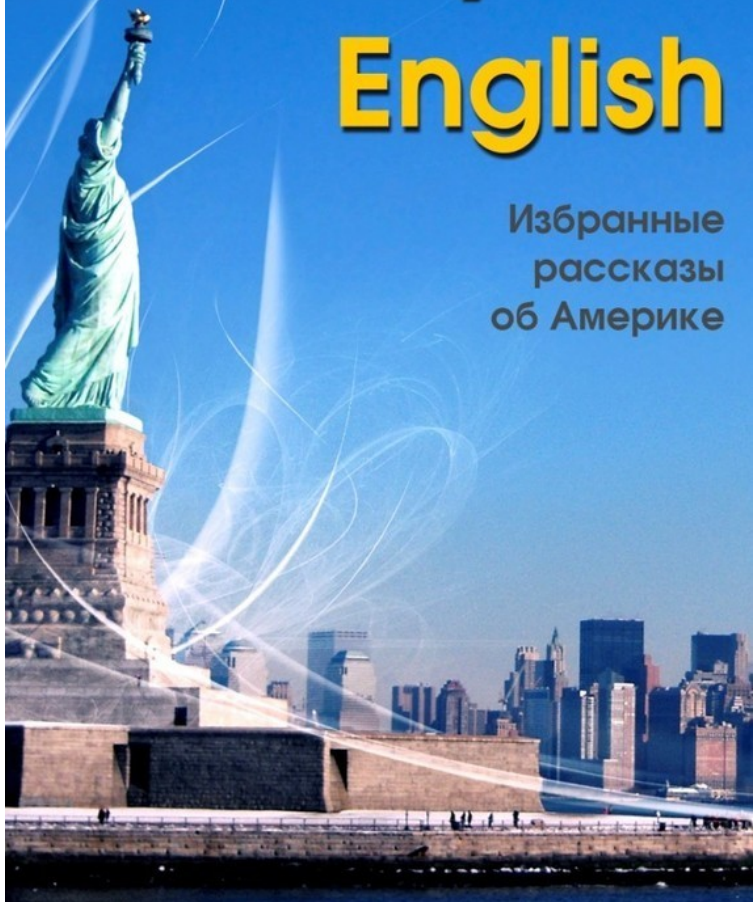

Илья Гуглин

Как я учил English

Избранные
рассказы
об Америке

Илья Наумович Гуглин

Как я учил English. Избранные рассказы об Америке

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23785200

ISBN 9781386401810

Аннотация

Известный учёный и изобретатель, преподаватель и предприниматель в лёгкой и непринужденной форме описывает события, участником которых ему довелось быть у нас в стране и в Америке, в которой он жил несколько лет. Фантастика и реальность, остросюжетные приключения и лёгкий юмор захватывают читателя и не оставляют равнодушным до последней страницы. В книгу включены рассказы о жизни в Америке, в них он пытается передать крупицу опыта всем, кто когда-нибудь по какой-либо причине решит покинуть нашу бедную и богом забытую Родину. Отдельные рассказы посвящены телевизионной технике и людям, отдавшим ей лучшие годы жизни. Особое внимание уделяется обмену опытом и полезным советам всем, кто изучает английский язык как дополнительную степень свободы, очень нужную в наше беспокойное время...

Содержание

Отзывы	4
Предисловие	6
Ранние воспоминания	8
Деревянные счёты – отличный транспорт	8
Бей по голове, затем спасай	12
Схватка с бандюгами	17
Как я учил английский язык	32
Шишки на личном опыте	32
Небольшой обмен опытом, полезные советы	40
О телевидении и телевизионщиках	47
Золотое время для телевидения	47
Профессор Брауде	53
Компьютерная революция?	64
Инициатива наказуема	73
Уезжают лучшие?	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Илья Гуглин

Как я учил English.

Избранные рассказы об Америке

ОТЗЫВЫ

Илья, спасибо Вам огромное за книгу. Это Доренко. Я прочитал несколько первых страниц – больше не смог, надо было готовиться к эфиру... Просто какое-то пронзительное чувство юмора у Вас и оно такое совершенно непринуждённое. Очень классное, и мне нравится. Вечером читаю остальное. Спасибо за книгу.

*Сергей Доренко, радиоведущий «Эхо Москвы». 4 июля 2006
Отзыв на книгу Гуглина И.Н. «Записки фантаста»*

Купил эту книгу случайно. И не ошибся. Пропали все мои планы, так как оторваться от неё мне не удалось. Замечательная книга! Она напомнила мне мою юность, работу в КБ, поиски молодого специалиста, житейские передраги и даже столкновения с «хорошими дядями в штатском». Какое удовлетворение испытываешь от осознания, что

и я прожил такую же жизнь, но, к сожалению, не смог отразить её столь талантливо и образно.

Научный подход всюду даёт положительные результаты, поэтому и не удивительно, что в этом романе автор, на мой взгляд, неординарный научный сотрудник, не только описывает события недалёкого прошлого в науке и жизни, но и своеобразно отражает важнейшие вопросы, которые волнуют наших современников. А именно: почему развалился Советский Союз? К чему приведёт утечка мозгов? Что ждёт нашу цивилизацию в ближайшее время? И т. д., и т. п.

Значительно украшает роман тонкий юмор, пронизывающий практически всё произведение. После прочтения этой книги у меня впервые появилось желание самому написать что-то подобное, как бы дополнить сказанное... Спасибо автору, редакции и книжному магазину за этот предновогодний подарок.

*Роман Аксельрод, ведущий научный сотрудник, 11.12.2016.
Москва*

Отзыв на книгу Ильи Гуглина «На каждом шагу стукач»

Предисловие

Перед тобой, читатель, отрывки из моей жизни. Почему-то захотелось написать о ней, но не совсем серьёзно, вооружившись лучшим оружием в борьбе с трудностями – юмором, а кое-где и сатирой. Может быть поэтому получилось не фотографическое изображение, а некое зеркальное отражение, слегка искажённое, затуманенное. Зато теперь у меня есть полное право заявить, что любое сходство с реальными людьми носит здесь случайный, непреднамеренный характер.

Так уж получилось, что первое издание книги, вышедшее в Нью-Йорке, превратилось в библиографическую редкость, а её автор получил широкую известность в Бруклинских кругах. А это, как вы понимаете, не совсем то... Вернее, совсем не то. Но появился материал, который так и просился в книгу. Поэтому пришлось многое переделать и дополнить. Так появились «Записки фантаста», М.: АСТ, 2005 и «На каждом шагу стукач», М.: С&К, 2016. В книгу включены рассказы, посвящённые телевизионной технике и моим коллегам, отдавшим ей лучшие годы жизни, делаются попытки объяснить, почему ТВ превратилось в «ящик» навязчивой пропаганды и рекламы. Задача, стоящая перед автором, усложнялась желанием осветить эпоху, не вдаваясь в политические нюансы, но сделать это по возможности правдиво, без фан-

тазий. Ведь чтобы лгать, особенно в моем возрасте, нужно иметь хорошую память.

К тому же мой преподавательский зуд требовал нести разумное, доброе... и мне чертовски хотелось, сделать книгу в какой-то мере полезной, передать крупицу опыта для изучающих английский язык как дополнительную степень свободы, очень нужную в наше беспокойное время. Заранее предупреждаю: я даже не пытаюсь научить читателя зарабатывать миллионы, избавляться от болезней и не бояться властей. Самому бы преуспеть в этом...

Насколько мне удалось объединить эти противоречивые требования судить не мне, но всё же надеюсь, что время, затраченное на чтение этой книги, не будет потеряно зря.

Когда я перечитывал эти записки, мне порой становилось смешно. Возможно, улыбнёшься и ты. Возможно, что-то из написанного взволнует, разбудит твои собственные воспоминания. В любом случае, думаю, ты не сочтёшь потерянным время, затраченное на чтение этой книги.

Благодарю за внимание.

Ранние воспоминания

Деревянные счёты – отличный транспорт

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские ёлки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят...*

О. Мандельштам

Говорят, в детстве я был ужасным крикуном. Кричал утром и вечером, днём и ночью. От меня страдали не только родители, но и соседи. Больше того, первая приглашенная ко мне няня смогла выдержать только два дня. Сбежала, махнув рукой на положенные ей деньги. Пассажиры трамвая прекращали всякие разговоры, наперебой предлагая безотказные средства. А чего стоит фраза: «Да закройте ему рот хоть чем-нибудь. Вот у меня тут есть небольшая тряпочка...» Даже бабушка – добрая маленькая старушка, за долгую жизнь воспитавшая пять своих и трёх неродных детей, доставшихся в качестве приданого от дедушки, а также немало внуков, – брала меня на руки со словами: «Ничего, это хорошо, что плачет. Вырастет большим и сильным». Но через пару часов

от её энтузиазма не оставалось и следа.

Первые мои воспоминания относятся примерно к возрасту трёх – трёх с половиной лет. Это очень легко увязать с датами, которые врезались в память: приближался печально знаменитый 37-й год. Траурная музыка по радио. Разговоры на кухне шёпотом. Внеурочная работа родителей до поздней ночи. И трёхлетний малыш, занятый чем-то своим под столом.

А ещё помню, как нас фотографировали с сестрёнкой: я в красивом матросском костюмчике, она в лёгком платьице. Это воспоминание подтверждено старой фотокарточкой, чудом сохранившейся, которая и занимает почётное первое место в семейном альбоме.

Помню также, что моим любимым транспортным средством в то время были счёты. Большие деревянные счёты, с крупными косточками на металлических спицах. На этих счётах можно было кататься – конечно, когда ими не пользовались по прямому назначению. Мама работала в то время бухгалтером. Боюсь, что внукам трудно будет объяснить, что на этих счётах производились операции сложения, вычитания, умножения и даже деления.

Ту эпоху нетрудно представить. Тогда ещё не было телевизоров, холодильников, гражданской авиации, компьютеров, сотовых телефонов, а в одежде не использовались синтетические материалы, молнии и прочие прибабасы.

Замечательный писатель Григорий Горин, приверженец

реинкарнации, утверждал, что совсем нетрудно определить, кем мы были в прошлой жизни. Достаточно начать вспоминать детство в обратном порядке, дойти до дня рождения, перейти через нуль – и тебе, как во сне, начнет представляться то, кем или чем ты был в прошлой жизни. Признаюсь, я попытался провести эксперимент несколько раз, но безрезультатно – у меня ничего не получалось. Очевидно, что-то я делал неправильно, а, может, для достижения должного эффекта необходимо было войти в состояние глубокой нирваны, либо обладать особым даром, например, парапсихологическими способностями. Очень жаль, что уже нельзя позволить Грише и уточнить детали предлагаемой им методики. Что делать? Придётся отложить этот вопрос до встречи с ним в будущей жизни...

Зато всё происходящее до моего рождения я достаточно хорошо вижу как бы со стороны.

Итак, 1932-й год. Страшный голод на Украине. Мой отец оставляет молодую беременную жену и отправляется во главе отряда по заданию партии в деревню – на раскулачивание. Как происходил сам процесс этого раскулачивания давно и всем известно. Лично он не любил когда его об этом расспрашивали. Видимо, такая деятельность не доставила удовольствия. Историю можно фальсифицировать, но нельзя переделать, вот почему с годами кое-кто пытается как-то интерпретировать своё прошлое в ином, выгодном свете, представляясь мечтателями, романтиками светлого будущего.

го... Отец никогда не говорил ничего такого, но никогда и не отрицал, что такая вынужденная мера спасла многих от голодной смерти.

Как видно, недолго ему пришлось выполнять командирские функции, так как вскоре ему сообщили, что мама неудачно упала и сломала ногу.

Как я теперь понимаю, досрочное возвращение со «столь ответственного задания» не могло прийти по вкусу партийным бонзам, даже таким, которые не знают, что перелом и снятие гипса не могут произойти в считанные дни. А как иначе объяснить факт его повторного направления в ту же деревню ровно через неделю?

Потом были соответствующие «оргвыводы» и острые вопросы типа:

– Так кто тебе дороже: партия или жена? Тебе партия доверила такой высокий пост... Да ты хоть понимаешь, с чем ты шутишь?

Остальное происходило очень просто и быстро. Хорошо отработанный механизм ломал судьбы не только отдельных людей, но и целых народов. Лично меня это несколько не удивляет, поскольку аналогичное падение пришлось испытать и мне. Но об этом в другой раз.

Бей по голове, затем спасай

Видимо, в то непредсказуемое время вообще нельзя было понять, что лучше, а что хуже. Во всяком случае, в роковом 37-м все эти знатоки переломов, а заодно и остальные их коллеги по ответственным постам, были арестованы и либо отправлены в лагеря, либо сгинули «без права переписки». Лишь единицы через много лет вернулись тяжело больными стариками...

Вот в такое весёленькое время мне суждено было родиться. Не пришлось мне стать сыном ответственного работника, поскольку всё остальные годы отец был рабочим. За четыре года у «любопытных рыцарей революции» несколько притупилась память или не хватило времени. Ведь очень многое нужно было сделать, и главное – быстро. Вот они и оставили в покое скромного человека.

Отца я вспоминаю часто. Наум Ильич Гуглин – высокий, красивый, представительный, всегда был лидером: в детстве, в комсомоле и в зрелом возрасте. Это качество не зависело от занимаемой должности. Это было от природы.

Иногда кто-то в шутку говорил:

– Тебе следовало бы быть не рабочим на фабрике, а секретарём обкома... Вот уж за кем народ бы пошёл!.. По крайней мере, с большим вниманием и уважением слушали, чем этих...

Отец только улыбался. Что он при этом думал? Вспоминал, как был профсоюзным вождём – председателем союза обувщиков Екатеринославщины? Эту огромную губернию позднее разделили на две области – Днепропетровскую и Запорожскую.

Я любил слушать его рассказы о том, где он бывал, с кем встречался, каким был в детстве. У него были блестящие способности к математике. Таблицу умножения, заданную в школе, он выучил за час и тут же выпалил встретившемуся учителю. Его посылали как лучшего на всякие рабфаки, но он не мог уехать, так как был старшим в семье. Он рано лишился отца и взял на себя роль кормильца. Я был свидетелем, как отец соревновался с мамой в подведении балансового отчёта и часто выигрывал, заявляя, что устный счёт оперативнее и надёжнее расчетов на счётах. Он мог мгновенно перемножить два двухзначных числа и никогда не ошибался. Притом любых. Когда же ему предлагали умножить двухзначное число на одиннадцать или девятнадцать, он улыбался и говорил:

– Это слишком просто.

Или:

– Это все знают.

Не сомневаюсь, что получи он соответствующее образование, уж профессором математики стал бы наверняка.

Из его рассказов я узнал, что он был хорошим спортсменом. Он мог переплыть Днепр два раза (туда и обратно) без

передышки. Часто спасал людей. Пару раз сам чуть не утонул, так как попадал в водоворот. Мои земляки-запорожцы хорошо знают от родителей какой буйный нрав и какие пороги были на нашей реке до строительства Днепрогэса. Это теперь «чуден Днепр при тихой погоде...» Трудно представить, что Николай Васильевич имел в виду наше время, имел такой дар предвидения.

А однажды, уже много позже, присмотревшись к одному моему однокласснику и услышав фамилию, спросил:

– Не знаешь, его отца зовут Яков?

– Не знаю. Но могу узнать.

Да, его действительно звали Яковом, и об этом я узнал на следующий день, не ожидая никаких последствий.

– Так вот, передай своему другу, что его отец всё ещё должен мне ящик пива, и я об этом ещё не забыл. А дело было так. Ещё молодым парнем, отдыхая на берегу Днепра, отец слышал крики о помощи.

Недолго думая, бросился в воду. Несколько энергичных рывков – и он у цели. Однако взять этого утопающего известными приёмами было непросто, так как тот не только совершал периодические погружения, но и всячески норовил схватить спасителя за руки, что было весьма опасно.

Ничего другого не оставалось, как стукнуть его по голове, отбив тем самым охоту к сопротивлению, что и было сделано по всем правилам спасательного искусства того времени.

Остальное было пустячным делом – подхватить бедолагу

за волосы и к берегу. Но вот беда. Волос-то и не оказалось, так как утопающий был стриженный «под ноль». Короче, вытащил он его всё-таки на берег, вытряхнул, сколько мог воды, сделал искусственное дыхание и парень ожил. Больше того, оказался хорошим знакомым и просто отличным мужчиной, чуваком, парнишей (не знаю точно, какое слово в то время применяли, но не возражаю, если каждый подставит по своему вкусу).

Случилось так, что этот Яков постригся только накануне, так как собирался в армию. А в армию, естественное дело, волосатиков не брали, по крайней мере, в то время. Не знаю, что говорил он отцу в знак благодарности, знаю только, что последними его словами были:

– Спасибо, мужик (чувак, парниша), за мной дело не встанет. С меня ящик пива.

Тогда ставили только ящики. Вот такие были крепкие ребята в нашем городе. Стоит ли удивляться, что парень забыл своё обещание. В армии и не такое могут вышибить. А своему однокашнику я об этом не рассказал по двум причинам. Во-первых, в то время я занимался спортом и пива в рот не брал, а во-вторых, просто не хотелось лишаться такой замечательной возможности: востребовать в любой момент целый ящик и угостить всех кого хочется.

Прошло много лет. Мой друг стал большим учёным. Самым большим из всех моих друзей, подававших и не подававших какие-либо надежды. (Себя я, естественно, отношу к

не подававшим). Мы часто встречаемся с ним в Нью-Йорке и, если и пьём, то, естественно, не пиво. У нас уже дети, которые значительно старше наших отцов той поры. По принципу случайных совпадений наши сыновья – квалифицированные программисты. Стали настоящими американцами. О долге, который, как я понимаю, должен переходить по наследству, я не напоминаю опять-таки по двум причинам. Во-первых, я, как и прежде, пива не пью, потому что не люблю, а во-вторых, у меня есть идея – сохранить это в большом секрете (от заинтересованных лиц) и передать долг по наследству, от поколения к поколению. Может быть, таким необычным образом удастся сохранить память о той незабываемой эпохе и её людях.

05.08.02

Схватка с бандюгами

*...Это было у моря,
Где ажурная пена,
Где встречается часто
Офицер КГБ...*

И. Северянин и фольклор

Моё первое знакомство с КГБ состоялось в 1945 году, мне было тогда лет двенадцать. Об этом я писал в объяснительной записке в посольство США, пытался удовлетворить их любознательность. Однако, поскольку далеко не всем повезло узнать об этом, придётся повторить самое главное.

Итак! Маленький, курортный городок на юге Украины. Ласковое Азовское море. Совсем рядом – массивное здание КГБ (Комитета государственной безопасности), в одном из кабинетов которого я, худущий дистрофик на тонких длинных ножках, стою, или, может быть, даже сижу (точно не помню) перед солидным товарищем в штатском. Сижу, сижу, сижу..., нет, в данном контексте это слово совсем неприемлемо. Я никогда не сидел! Даже во временной каталажке. Заявляю об этом официально. До сих пор удивляюсь.

Началось всё с того, что родители решили отправить меня с младшей сестрой в пионерский лагерь. Как тогда говорили – оздоровить и поправить. Лагерь, так лагерь. Какая-то суета

со справками, какие-то обещания от кого-то кому-то за что-то. Какие-то деньги. В то время иначе не делалось. Беспкойство, что меня не возьмут, ведь я не пионер, и почему-то не очень стремлюсь им стать. Точнее было бы сказать, что я совсем не хотел становиться пионером. И чем больше меня к этому принуждали, тем упорнее отказывался от высокой чести состоять в рядах, особенно передовых. Организовать всё это было очень непросто. Если к тому же учесть, что не было даже телефона, то можно представить, какие трудности нужно было преодолеть, чтобы обеспечить всё это в минимальный для горящих путёвок срок.

Телефон тогда уже существовал в природе, а его изобретатель почил в бозе, умиротворенный своим подарком ошастливленному человечеству. Но этим подарком пользовались, к сожалению, не все, а только узкий круг приближенных к избранным. Впрочем, в то время такие сложные вопросы меня ещё не волновали. Проблема была в другом. Нужно было спрятать среди вещей футбольный мяч. А сделать это было не просто, так как мяч был не резиновый, а тряпичный, его нельзя было ни спустить, ни накачать.

Наконец-то все хлопоты позади. Пыхтящий паровоз, чудом, сохранившийся после войны, несущий на себе следы фашистских бомбёжек, медленно подвозит потрёпанные вагоны к полуразрушенному, когда-то красивому зданию вокзала. Радостное возбуждение, предвкушение новых впечатлений скоро сменяется ожиданием самого главного – встре-

чи с морем. При этом как-то даже не замечаешь всю совокупность мелких невзгод. Лагерь оказался далеко от моря. К тому же не было палаток, была обычная пятиэтажная, стандартная школа. Совершенно пустой двор и, конечно, забор. Большой кирпичный забор с железными воротами был гарантом безопасности на все случаи жизни. Даже на случай нового татаро-монгольского ига.

Как будто всё было. Но не хватало моря, пионерского ко-стра, свободы и нормальной еды. О какой свободе можно говорить, находясь за каменным забором? Свобода – она как воздух. Когда она есть, её не замечаешь. Но когда нет – становится очень скучно. То же самое и с едой. После завтрака остаёшься голодным. После обеда – ещё больше, и так по нарастающей. Возникает естественное желание что-нибудь купить, но через забор не перепрыгнешь. Через несколько дней начинаешь понимать, что письма иногда имеют свойство перемещаться только в одном направлении. В каждом следующем письме практически ежедневно повторяется один и тот же вопрос: почему ты не пишешь?

Наконец-то нас ведут на море. Какая радость, какое новое чувство охватывает тебя, когда появляется возможность уплыть далеко в море, ни о чём не думая. Так я и сделал. Нет, я не пытался уплыть, скажем, в Турцию. Азовское море – не Чёрное. К тому же подобных мыслей, даже при отсутствии, как сейчас сказали бы, элементарных свобод, у меня не было. Просто захотелось уплыть подальше от этого серо-

го лагеря, от этих скучных воспитателей и их ежеминутных нравоучений. К тому же плыть было очень легко. Давно не плавал. Мне, мальчишке, выросшему на Днепре, казалось, что вода в море держит меня как пробку. И курс был весьма заманчив – далеко на горизонте маячила рыбацья шаланда. Была ли она «полная кефали» – трудно сказать. Но очень хотелось убедиться самому. Как бы прочувствовать, столкнуться с реальной действительностью.

Да, столкнулся. Некоторое время казалось, что до цели совсем недалеко, ничуть не больше, чем уже проплыл. Затем мелькнула мысль развернуться и поплыть обратно. Такое желание возникало в моменты, когда вдруг казалось, что шаланда уплывает от меня в открытое море. Ну как должен был поступить человек, для которого кумирами были покорители Крайнего Севера, подросток, который только два дня назад наметил себе целую программу воспитания мужества? К тому же осталось совсем немного. Ещё чуть-чуть – и половина пути позади. Появилась усталость. Плыть вразмашку уже стало тяжело. Плыл, как было полегче. Часто переворачивался на спину. Думал, что таким образом можно отдохнуть. Тщётно. Такого худушего, как я, без движений может удержать только вода Мёртвого моря в Израиле. Естественно, вместо отдыха отхлебывал очередную порцию солёной воды.

Наконец я у цели. До возжеленной шаланды осталось всего ничего. Даже видны люди на борту – человек пять. Точно.

Два мальчика, примерно моего возраста, и трое помладше.

Сначала хотел как-нибудь ухватиться за эту посудину. Но это оказалось непросто. Сидящие в лодке старшие всем своим видом и жестами говорили, что моё присутствие на их «суверенной территории» крайне нежелательно. Я пытался как-то попросить, объяснить им, что мне нужно слегка отдохнуть. Но в ответ получал только удары веслом по пальцам. Видя, что с этой шпаной мне не удастся заключить джентльменское соглашение, пару раз попытался прорваться в лодку силой. Но каждый раз, когда удавалось перевалиться через борт, а это было тоже нелегко, младшие поднимали истошный вопль, а старшие, эти юные бандюги, набрасывались на меня и сталкивали обратно в море. Что толкало этих потенциальных несовершеннолетних преступников с таким ожесточением набрасываться на меня? Может быть, они занимались незаконным ловом какой-нибудь тюльки? Контрабанду следует исключить – море не то!

И всё-таки я везучий человек. Если бы мне удалось забраться на эту проклятую шаланду после столь ожесточенной борьбы, трудно сказать, как бы я поступил с этими недоносками. Наверно, вышвырнул бы всех к чёртовой матери. Вот уж тогда точно перевели бы меня из одного лагеря в другой!

Думал ли я об этом, когда плыл обратно к берегу? Скорей всего, нет. Был только один вопрос: доплыву или нет? Сказать, что силы были на исходе, или они покидали меня, было

бы большим преувеличением. Сил не было никаких. Кажется, я даже не плыл, а только как-то барахтался, впадая время от времени в полуобморочное состояние. А когда, наконец, почувствовал дно под ногами, то и вовсе потерял сознание, хлебнул в последний раз соленой водички и как-то выполз на берег.

Что было дальше? Ничего хорошего. Помню только, что на меня кричали все – одновременно и по очереди. «Ты хотя бы понимаешь, что было бы (очевидно, с нами) если бы ты утонул? Ты подумал своей тупой башкой?» И так далее, и тому подобное... Ничего не оставалось делать, как только втянуть свою тупую башку в плечи и мечтать о том времени, когда можно будет в подобных ситуациях щёлкнуть выключателем и отключиться от нравоучений этих «очень взрослых» начальников. Что поделаешь, если я «ну очень не люблю, когда на меня кричат»? В такие моменты становлюсь как ёжик. Нет, ёжик слишком пушистый. Скорее – как дикобраз, у него, по крайней мере, колючки достойной величины.

Зато среди сверстников стал героем. Мой авторитет, завоёванный столь необычным путём, был неоспорим. А моё мнение для всех окружающих было вне критики. Однако я не стал заводилой всяческих мелких проказ. Больше того, нормальное воспитание выработало во мне высокое чувство справедливости, и я очень переживал, когда кто-либо из старших пытался свалить на меня чужие грехи. А этого добра было немало.

Помню, как однажды меня разбудили громкие крики и хохот. На одной из кроватей мальчик истошно кричал и махал ногами. Остальные просто покатывались от смеха. Оказалось, наши школьники воткнули бедолаге между пальцев ног бумажки и подожгли. Как ни странно, но такая, если можно так сказать, шутка даже имела свое название – велосипед. Трудно понять, отчего у подростков возникает чувство неприязни к слабому. То ли он не мог постоять за себя, то ли был из слишком интеллигентной семьи. А может быть, в соответствии с биологическим законом Реми Шовена, особи альфа, бета и т. д. стараются подавить те особи, рейтинг которых определяется последними буквами греческого алфавита? Как бы то ни было, шишки достались мне...

– Как это ты не знаешь, кто это сделал? Если не знаешь, значит, сделал сам! – кричала на меня директорша лагеря.

Железная логика в устах твердокаменной леди.

– Если не ты, тогда почему ты первый бросился с подушкой гасить огонь? Видно, чувствовал свою вину!

И так далее, и тому подобное...

Не нравилась она мне, да и слово «директорша» тоже. Директорша... Слово, шершавое, как рашпиль, шипящее, как змея... «Директриса» лучше. Что-то такое лёгкое, воздушное, пушистое... Аристократическое: ди-рек-три-са. Но к нашей мегере оно никак не подходило. Она и в этой школе была директоршей. Говорили, даже райком партии у неё ходит по струнке. Райкомом, как мне казалось тогда, звали

другого хмурого дядю. И был он чуточку, ну самую малость, добрей нашей директорши. Может быть, потому что находился далеко.

Однако вернёмся к моему авторитету. Говорят, что если в начале индийского фильма на стене висит ружье, то в конце фильма оно обязательно запоёт и запляшет. Таков закон жанра. Точно так же и с авторитетом. Где-то когда-то он должен был сыграть свою роль...

По понятным причинам, не только меня, но и всех остальных на море больше не пускали. О пионерском костре в лесу не могло быть и речи. Кормёжка становилась всё хуже и хуже. Очевидно, директорша опережала в своих задумках светил будущей медицины в области лечебного голодания. О том, что невероятно большой штат пионерского лагеря в основном состоял из её родственников, как-то не хотелось думать. Ну, зачем, спрашивается, в одном лагере сразу три физрука? Или пять воспитателей? Хотя... чтобы перевоспитать меня одного, и десяти не хватило бы. А о спорте в то время я ещё не думал, большая часть времени уходила на мысли о еде, о побеге и т. д. Казалось, достаточно что-то придумать, чтобы всё изменилось к лучшему. И не один я так думал. Помню, один хорошо воспитанный мальчик пришёл ко мне с идеей: нужно, говорил он, запереть директоршу в тёмную комнату и держать там до тех пор, пока не проголодается, а затем выпустить. Вот тогда она поймёт.

Точь-в-точь, как в старом анекдоте. У мышей партсобра-

ние. Выступающие в один голос: от коты просто нет жизни. Приняли решение – коты уничтожить. Кто против? Все за. В последнем ряду пищит и тянет лапку маленький мышонок.

– Чего тебе? – сердится председатель собрания.

– Уничтожить – это правильно. Но как это сделать?

– Это – в рабочем порядке...

Но, как видно, мы тогда уже чем-то отличались от мышат. Ибо следующая идея была, скажем прямо, весьма, весьма зрелой, и наше сознание соответствовало очередному этапу эволюционного развития. Нужно объявить голодовку и предъявить свои требования!

Кто выдвинул эту идею, точно не помню. Скорей всего, не я. Но я принял очень активное участие в её реализации. К тому же и времени на это много не потребовалось – всего одна ночь. Всё получалось дружно, задорно, весело! Даже в самый кульминационный момент, когда на утренней линейке директорша обвела своим подозрительным взглядом двор, обклеенный плакатами и транспарантами, кто-то не сдержался и прыснул от смеха. Но мне уже было не до смеха.

По мере сканирования окружающего пространства её взгляд становился всё более пронзительным и подозрительным, подозрительным и пронзительным. А когда встретился с моим и сфокусировался на моём скромном изображении, напряжённость излучаемого ею биополя достигла такого высокого потенциала... Казалось, сейчас нажмёт малюсенький курок – и произойдет взрыв, притом направленный в мою

сторону.

Современный кинематограф освоил спецэффект, когда из уст нехорошего дяди или тети выскакивает электрический разряд-молния! Но тогда это было бы в новинку и, естественно, произвело бы должное впечатление на неподготовленных зрителей.

– Его – ко мне! – прозвучал хриплый приказ.

Она резко развернулась и направилась к себе в кабинет.

К моему удивлению на этот раз ожидаемого крика не последовало. Допроса тоже. Просто был звонок по телефону. Даже не потребовался телефонный справочник.

– Приезжайте... Да, это ваш контингент...

Долго ждать не пришлось, и вскоре я шагал в сопровождении высокого белокурого красавца в неизвестном направлении...

– Так, говоришь, плохо кормят?

– И на море не отпускают. За две недели только один раз.

Стоит ли рассказывать, какой это был единственный в своём роде, но незабываемый раз? Решил: не буду отвлекаться от главного. Спросит – расскажу. Может быть, ему будет интересно узнать, какие сволочи водятся на морской поверхности его города.

– А родители знают?

– Нет, директорша читает наши письма, а затем устраивает взбучку.

– Что, бьёт?

– Нет, кричит: «Как ты смеешь даже говорить, что отец товарища Сталина тоже был сапожник. Ты понимаешь, с кем ты себя сравниваешь?»

Кривая улыбка, пауза...

– А за что же к нам?

– Наверно, за это, – впервые вмешивается молодой красавец, который привёл меня в это «замечательное» учреждение, который останавливался перед каждой встречной девушкой и объяснял, почему не может прийти сегодня на танцы, который заставил меня заполнить первую в моей жизни анкету и мучился над вопросами, не зная, как ответить на такие дурацкие пункты, как «Служили ли Вы в войсках белой гвардии?» или «Были ли Вы интернированы?» и.т.д.

Дорогие мои читатели, любители изящной словесности. Не обращайтесь на подобные «шахероватости». Это не от незнания синтаксиса сложно-сложно-сложноподчинённого предложения. Это просто такой стиль. Всю жизнь я боролся с ним в своих статьях, книгах и отчётах. Попробую на этот раз расслабиться...

На столе появилась большая бумага, на которой крупными буквами было выведено:

«Мы требуем:

Нормальной кормёжки

и побольше мяса. Отпускать на

море каждый день. Не читать наши

письма. Если эти требования не будут

выполнены в течение 24 часов, мы
требуем вернуть нам деньги
за путёвки и отвезти
нас домой!»

Текст был охвачен двумя концентрическими окружностями, между которыми радиально располагались подписи всех участников. Эта хитрость давала возможность, как нам казалось, скрыть от начальства фамилии инициаторов маленькой забастовки. Попробуй, разберись: кто подписал первым, а кто – последним. Это была, конечно, моя идея, но не моё изобретение. Об этом я где вычитал.

Недавно мне на глаза попались часы. Обыкновенные наручные часы, но на циферблате не было цифр – эдакий оригинальный дизайн для особо продвинутых модников! Так вот, если у них убрать стрелки и ушки для ремешка, а вместо них не в алфавитном порядке нанести около двадцати фамилий, получится приближённый макет нашей петиции.

Товарищ в штатском никак не проникся ни одной из представленных ему на обозрение бумаг. Больше того – не проявив никакого уважения к первому литературному опыту молодого человека, равнодушно отбросил анкету и спросил:

– Дорогу в лагерь сам найдёшь? Иди, я ей позвоню. Постарайся к нам больше не попадать.

– Спасибо, постараюсь.

Многого я тогда ещё не знал. Не знал, что в устах этого человека слово «лагерь» далеко не всегда ассоциируется

с красным галстуком и барабанным боем у костра. Не помню уже какие чувства владели мной тогда: радость или горе, страх или печаль. Впрочем, кого это волновало? Долго после этого бродил я по незнакомым улицам чужого города. Казалось бы, что сложного – пойти в обратном направлении, тем же путём, каким шёл с сопровождавшим меня молодым сотрудником... Впрочем, белокурый кагэбэшник вёл меня, должно быть, не кратчайшим путём, а специально петлял, чтобы запутать, на случай, если вздумаю убежать. При этом объяснял каждой девушке, что не просто гуляет, а сопровождает государственного преступника, со злобой во взгляде показывая на меня. А в разговоре с начальником – заискивал, откровенно пресмыкался, даже спина изгибалась. В будущем мне приходилось наблюдать таких людей. Этот был не самым худшим из них. По крайней мере, он не пытался навязать своё мнение по этому поводу. Впрочем, не стоит на них тратить время.

Меня же в то время беспокоило в основном всё усиливающееся чувство голода. Тёплый летний вечер, городской парк, играет оркестр, но очень хочется есть. Все мои попытки найти лагерь ни к чему не привели. Как назло на каждом шагу всяческие кафешки, закусовые, но ни копейки денег. Наша забастовка началась утром. Именно утром мы объявили голодовку и вывесили своё художество. Дальше было всё остальное – всё, кроме еды. Казалось бы, ну что тут такого: подойти к какому-нибудь шашлычнику и попросить кусок

мяса или хлеба. Сказать, что не ел весь день, потому как находился на допросе у следователя КГБ. Одновременно можно было бы получить удовольствие от созерцания целой гаммы чувств, которые должны были отразиться на лице этого человека. Чем не сюжет для талантливого режиссёра и хорошего артиста? Ведь нормальная жизнь часто подбрасывает такие ситуации, которых при всём желании нарочно не придумаешь. Нет. Я так не мог. Поэтому и ночевал голодный на скамейке городского парка.

Утром меня разбудил дворник, а весёлое летнее солнце вернуло городу реальные очертания, и мне без особого труда удалось найти дорогу в свой, ставший теперь родным, лагерь. С какой неподдельной радостью я был встречен! Трудно описать. Ещё труднее было понять – почему и за что. Оказывается, всю ночь был нескончаемый переполох. Пропал ребёнок! Ушёл из здания КГБ и не вернулся в лагерь. А ведь рядом море. А он ко всему прочему неординарный ребёнок, очень своеобразный! В каком из двух зданий переполох был больший, я, очевидно, не узнаю никогда.

Назавтра только я был удостоен высокой чести – в сопровождении физрука меня отправили домой, а двумя днями позже наш сонный городок был разбужен клаксонами и звуками отъезжающего транспорта. Это все родители, и мои в том числе, ринулись в южном направлении забирать не до конца поздоровевших и поправленных детей.

Вот так закончилось моё первое и последнее знакомство

с пионерией и пионерским лагерем.

06.05.02

Как я учил английский язык

Шишки на личном опыте

Моё первое знакомство с английским языком произошло в третьем классе обычной, ничем не примечательной школы. Трудно понять или объяснить, почему так получилось. Никогда и нигде такого не было. О каких-то особых или специализированных школах тогда никто не знал. Может быть, они где-то были, но где и для кого? В тяжёлое военное время эвакуации этот вопрос мало кого интересовал.

Учительница, щупленькая, ничем не примечательная выпуклившая пединститута заботилась в основном о том, чтобы школяры поменьше кричали и не мешали ей писать на доске. Имя этой учительницы как-то не сохранилось в памяти. Но зато очень хорошо помню, как она красиво выводила на доске буквы всех слов. Это делалось довольно тщательно, потому, что учебников по этому предмету ещё не было. И вообще как-то непонятно было – откуда вдруг взялся этот язык и для чего он нужен. Все, кто постарше, и родители в том числе, учили немецкий язык. Это было правильно. С врагом нужно было уметь разговаривать на его родном языке. Ведь не напасёшься переводчиками каждый раз, когда нужно нечеловеческим голосом крикнуть: «Ах ты сволочь фашистская!»

И шандарахнуть его прикладом по голове. И фильмы часто пестрели фразами типа: «Хенде Хох! Твою мать».

Итак, вернёмся к английскому. Как бы то ни было, но начало было положено. И на память я не обижался. Мне бы такую сейчас. Пару десятков слов, как мне кажется, я тогда освоил. Предмет, как предмет. Ни любви, ни ненависти. Но вот бросалось в глаза, что из всего арсенала знаний, наша учительница предпочитала только грамматику, притом только её первую, начальную часть. Ни произношения, ни разговорной речи, ни приёма на слух. Даже выгоняла из класса она по-русски. Ну что требовать от учительницы третьего класса.

Но вот в один, не очень прекрасный день, эта учительница на урок не пришла. Её предмет заменили другим. Не пришла она и на следующий раз, а через некоторое время об этом предмете и вовсе забыли... Осталась только в памяти одна фраза, сказанная как-то, скороговоркой: «Учите английский язык».

Второе знакомство с английским языком произошло в пятом классе, но уже в другой школе и, естественно, с другой учительницей. Мне было легко и приятно, так как учить не требовалось. Новый класс начинал изучение языка с нуля.

Но вот в один, не очень прекрасный день... Да, вы догадались, поэтому не буду повторять слова, приведенные выше. Повторение одной и той же фразы, также как и повторение начального курса, большой радости не приносит, но способ-

ствуует запоминанию надолго. Поэтому отступлю на этот раз от своего правила и повторю то, что слышал уже не первый раз: «Учите английский язык».

Такую сомнительную радость я испытал ещё трижды. В седьмом и девятом классе средней (хорошую вещь средней не назовешь) школы и на первом курсе института. К тому же начальный предмет был абсолютно одинаков. Вот почему начальную грамматику я знал лучше, чем таблицу умножения, но не больше.

Я часто думал на тему, неужели нельзя было что-то придумать? Думаю, что можно. Даже при существенном голоде на учителей этого предмета и низкой оплате их труда. Можно было объединить учеников из разных классов и даже из разных школ. О приглашении иностранцев нельзя было даже мечтать. Ведь кого это могло интересовать? Всё делалось по-нашенски, то есть плохо или очень плохо. Как в анекдоте о японце, который приехал в Союз на запуск нового завода и всё время повторял: «дети у Вас холёсие, дети у Вас холёсие...» Когда же его спросили, что он при этом имеет в виду, он сказал: «Дети у Вас холёсие, а всё, что Вы делаете руками – плёхо». Я бы добавил: «и то, что Вы делаете по указке сверху».

Было, правда, одно объяснение. Но к этому я пришёл значительно позже. Стратеги из поднебесья очевидно уже тогда понимали, что знание иностранных языков – это дополнительная степень свободы, мина замедленного действия, за-

кладываемая под «железный занавес», что в недалеком будущем специалисты, владеющие хорошим языком, не только смогут слышать неприглядные вещи, но и рванут «за бугор», как это и произошло позднее с математиками и программистами.

Была, конечно, и другая причина. Более прозаичная. Считайте это моим маленьким открытием. Учителя английского языка этого языка не знали! Они не только разговаривать и правильно произносить фразы не умели, но даже не умели внятно читать. Выучить начала элементарной грамматики, а затем талдонить одно и то же во всех классах было значительно проще. Во многих школах подобная ситуация сохранилась и сейчас. Не верите? Тогда проведите маленький эксперимент. Приведите в школу, в которой учится Ваш ребёнок человека, хорошо знающего язык. Три-четыре минуты – как раз время школьного перерыва, вполне достаточно для такого скрытого тестирования, после которого, вы всю дорогу домой будете повторять своему чаду: «Учи английский язык!»

Конечно, это относится не ко всем учителям. Были и исключения. Так, например, в девятом классе соседней школы учителем был бывший военный переводчик Степан (так его звали все). Он попытался наверстать упущенное, вернее сказать, как-то скомпенсировать огрехи системы и своих предшественников. Поскольку до аттестата зрелости и вступительных экзаменов в Вузы оставалось совсем не много, а

добросовестному человеку совсем небезразлично, как будут сдавать экзамены его ученики, он выбрал такой темп и требовательность (в дело было пущено всё, вплоть до рукоприкладства), что выдержать его было очень нелегко. Поскольку этот класс в основном состоял из одарённых учеников – класс этот темп выдержал, чего нельзя сказать об учителе. До десятого класса он тоже не дотянул, сбежал.

Обо всём этом я знаю хорошо, поскольку именно в этот класс я перешёл в начале очередного учебного года и, к сожалению, на своей шкуре почувствовал, каково быть отстающим по языку и часто вспоминать крылатую фразу моих учителей: «Учите английский язык».

Всякие воспоминания интересны тем, что, подчиняясь законам ассоциативного мышления, они позволяют извлекать из глубин памяти определённые сходные события. Даже не событие. Так себе – эпизод. Просто не могу сдержаться себя...

Готовясь к поступлению в аспирантуру, я довольно неплохо, как мне казалось, изучил курс английского языка. Но не было достаточной практики по приёму на слух. И вот, приехав на сдачу экзаменов в Москву, я как-то, проходя мимо Метрополя, увидел объявление о демонстрации фильма на английском языке. Естественно без дубляжа и титров. Опираясь на свой школьный и институтский опыт, и наивно полагая, что теперь мне будет значительно легче, я купил билеты сразу на два сеанса. Шёл какой-то английский фильм. Кажется – «Путь наверх». Как я не старался ни после перво-

го сеанса, ни после второго – я ничего не понял. Видно тот учебный язык был настолько упрощён, что пользоваться им в реальных условиях было просто невозможно. И я в этом убеждался несколько раз.

Дальнейшие мои встречи с английским языком были весьма спорадическими. Институт, встреча с товарищем в штатском, на этот раз уже на почве английского языка, аспирантура, работа в НИИ иногда подогревали мой интерес, на несколько дней. Об этом, может быть, я когда-нибудь напишу подробнее.

Были в жизни случаи, которые можно считать как упущенные возможности. Но это было значительно позже. Меня пригласили читать курс по своей тематике в Московский институт радиоэлектроники и автоматики (МИРЭА) на факультет повышения квалификации дипломированных инженеров. Видно тогда уже стало ясно, что специалисты различного профиля должны использовать в своей работе новые знания, которые не проходили в своё время в институтах. Моим руководителем на данном факультете был Евгений Алексеевич Коновалов. Это был эрудированный и энциклопедически грамотный человек. У него был доброжелательный характер, и очевидно, поэтому мы с ним быстро сблизились. Помимо преподавательской работы он был главным редактором «Реферативного журнала» в части «Телевидение».

К продукции этого журнала предъявлялись очень высо-

кие требования. Поэтому туда приглашались только высококвалифицированные специалисты. Именно тогда я получил приглашение сотрудничать, по совместительству для переводов английских статей и составления кратких рефератов. При этом главным аргументом было то, что через два-три года работы в этом журнале, человек приобретал навыки и знания близкие к профессиональному переводу. И это действительно подтвердилось. Но не на мне. Поскольку я к тому времени был перегружен работой, пришлось это, весьма неплохое предложение, переадресовать другому моему сотруднику, который действительно преуспел и продолжал бы плодотворно работать, если бы не слишком большая любовь его к английскому языку.

Его фамилия была Куй-Непослушный. Со временем, или по указанию властей вторая часть его фамилии из документов была почему-то выброшена, поэтому, представляясь, он старался особенно чётко произносить свою фамилию, часто подчёркивая, что первая его буква «К». Он увлекался историей, и с ним всегда было приятно общаться. А ещё мне нравилось то, что в отличие от многих других, он регулярно поддерживал отношение с профессором Брауде.

Увлечение историей дало свои результаты и соответствующее мировоззрение. Не знаю точно, но казалось, что следующий этап привёл его к определённым выводам, вылившимся в свою очередь в убеждение, что нужно учить английский язык. Но это всё было в прошлом.

В рассматриваемый момент, он был небольшим идеалистом и думал, что раз перестройка – значит свобода. А раз свобода – значит можно общаться с иностранцами и отшлифовывать свою устную речь. Но так не думали энергичные ребята из КГБ, курировавшие наш институт. Они своё дело сделали весьма профессионально, и я бы сказал – с выдумкой. Они явились к нам в институт как бы с одной целью: проинформировать нас о нехорошем поведении нашего товарища и просили только об одном, чтобы мы выразили ему своё порицание. Всё-таки режимное предприятие... Может быть поэтому я сдержался, не выскочил и не начесал им их паршивые рожи... Естественно, своим острым языком... А на следующий день куёвая эпопея закончилась, он был уволен с работы.

Встретился я с Куем несколько месяцев спустя, на одной международной технической выставке, где он представлял своё устройство, разработанное уже в другой фирме. Поговорили, обменялись информацией о том, другом. И только в самом конце встречи я не выдержал и спросил его, какому хобби он отдаёт предпочтение, и услышал: «Учу английский язык».

Небольшой обмен опытом, полезные советы

Когда о поездке в США я начал думать всерьёз (который раз), сам по себе возник вопрос о реальном знании английского языка. Я неплохо читал, переводил бытовую и технический тексты, изредка пользовался словарём, но писал с ошибками и очень медленно. Но самым большим недостатком, был приём на слух. Даже текст, который я худо-бедно, мог перевести, понять на слух, было практически не возможно. Пытался я воспользоваться помощью преподавателя, но это мало помогло. Квалифицированный преподаватель либо подстраивается под ученика, медленно читает примитивный текст, либо отвлекается на грамматический разбор, что отнимает массу времени и денег. Пришлось, как всегда, идти своим путём.

Действительно, чтобы разговаривать, нужно ли знание как склонять, спрягать, какие и как ставить окончания и предлоги? В раннем детстве никто никогда не объясняет это ребёнку. Мы, как губка, впитывали в себя русский язык, связывая слова и выражения со своими мыслями, чувствами, эмоциями. Именно так мы должны усваивать английский язык. Не переводить слова по очереди с русского языка, а опираться в основном на чувства и ассоциации. Возражения скептиков, что родной язык ребёнок постигает в раннем детстве, когда

его мозг ещё не загружен знаниями, абсолютно беспочвенны в свете последних исследований американских учёных в области физиологии мозга.

Компьютерные снимки мозга людей, свободно говорящих на двух языках, свидетельствуют о существовании отдельных, независимых друг от друга языковых центров, отвечающих каждый за свой язык. В Соединённых Штатах такой подход нашёл широкое признание. Основное упражнение такого курса – синхронное многократное повторение английского текста вслух за диктором, при одновременном чтении этого же текста. Такая тренировка даёт возможность преодолеть основной барьер, мешающий нам автоматически выражать свои мысли на английском языке.

Иностранный язык нельзя запомнить! Им можно овладеть только в результате тренировки. Не нужно специально заучивать слова, зазубривать правила грамматики, а формирование нового языкового центра, вот цель таких занятий. Конечно, если вам удастся приобрести необходимые книги, аудиокассеты или компакт-диски, вам будет легче освоить многое из сказанного. Но всё это я узнал несколько позже. Когда приехал в США и столкнулся с реальной действительностью. Но до того, ещё в Москве, я самостоятельно «подошёл» к этому методу с другой стороны.

В Доме Книги на Калининском проспекте продавались лицензионные видеофильмы с титрами на английском языке. Это были выдающиеся фильмы, заслужившие ряд меж-

дународных премий на канском и других фестивалях. Просмотр таких фильмов доставлял эстетическое удовольствие, и порой казалось, что ты не занимаешься, а отдыхаешь, наблюдая великолепную игру замечательных актёров и хорошую режиссуру. Начал я с того, что купил для пробы одну кассету. Их продают по цене не намного дороже обычных видеофильмов. Это оказалась лента Роланда Жоффэ «Алая Буква» (THE SCARLET LETTER). Главные роли исполняют Дэми Мур, Гари Олдман, Роберт Дюваль.

Однажды я смотрел по телевидению передачу-игру между группой космонавтов и создателями фильма «Белое солнце пустыни». Вы, наверно знаете, что у наших космонавтов существует традиция: перед каждым полетом в космос они всем отрядом смотрят этот фильм. Сколько раз они смотрели этот фильм, сказать трудно. Очевидно столько, сколько раз осуществлялся запуск пилотируемого спутника с человеком на борту. Так вот, космонавты, как оказалось, настолько хорошо знали все тонкости этого фильма, что настоящим создателям фильма бороться с ними было чрезвычайно трудно. И не удивительно, что они проиграли эту встречу с большим перевесом, в пользу космонавтов. И в самом деле, попробуйте назвать имена всех женщин, которых опекал служивый Сухов. Космонавты с таким заданием справились мгновенно.

В свою очередь я разработал для себя следующую методику. Сначала я просматривал первый небольшой сюжет, пыта-

ьясь, что-нибудь понять. Обычно ничего не понимал. Затем в режиме стоп-кадра я останавливал текст, тщательно его переводил с помощью словаря и записывал незнакомые слова и выражения. Затем передвигался к следующей текстовой надписи. И так, поочередно я просматривал текст всего сюжета. Я действовал по принципу «повторение – мать учения», поэтому повторял весь сюжет до тех пор, пока этот текст не стал для меня хорошо знакомым, но уже на слух. Затем я переходил ко второму сюжету и проделывал то же самое. И так до конца фильма. Мне кажется, что в процессе такого обучения происходит наиболее полное погружение в языковую среду. Помните, как герой Геннадия Хазанова пытался войти в среду, а затем в четверг, пятницу, но язык никак не входил?

Следующим фильмом была лента известного режиссёра Квентина Тарантино «Криминальное Чтиво» (PULP FICTION). Роли исполняли Сэмюэль Джексон, Джон Траволта, Ума Турман, Брюс Уиллис. Великолепная игра артистов, прекрасная музыка и острый сюжет сделали этот фильм знаменитым и, естественно, способствовали усвоению материала. По мере изучения этого реального (не учебного) языка я записывал время, затраченное на преодоление всего фильма. Оказалось, как я и предполагал, каждый следующий фильм требовал значительно меньше времени на проработку. Я специально не говорю, сколько времени уходило у меня на освоение одного фильма, поскольку это дело сугу-

бо индивидуальное и зависит от многих факторов: предыдущей подготовки, возраста, способностям к языкам, памяти, включая зрительную, ассоциативную и так далее.

Затем проработал фильм режиссёра Стэнли Кубрика «Спартак» (SPARTAKUS). Роли исполняли: Кирк Дуглас (Спартак), Лоренс Оливер (Красс), Тони Кёртис (Антоний), Джин Симонс (Вариния). Особенно понравился актёр русского происхождения Пётр Устинов в роли Батиату-са. Фильм получил четыре премии «Оскар». В дальнейшем, просмотрев этот фильм, дублированный на русский язык, я уже понял, что он много потерял при переводе.

Далее следовали фильмы: Лауры Зискин и Роберта Гарланда «Выхода Нет» (NO WAY OUT) с Кевином Костнером, Джинном Хэкменом и Шоном Янг; Чарльза Расселла «Маска» (THE MASK) с Джимом Кэрри в главной роли; Дэйла Лоунера «Любовный элексир № 9» (LOVE POTION # 9) с Сандрой Баллок и Тейтом Донованом. Было ещё два фильма, но я их не рекомендую, так как в них было мало слов, но много всяких, ничем не оправданных драк.

Работа с титрами имеет много преимуществ. Со временем к этому дойдут специалисты. Здесь часто не требуется заучивать наизусть слова. Они, также как и целые фразы часто застревают в памяти. Понять насколько этот метод эффективный, можно путём самотестирования, то есть определения, сколько ты знаешь слов. Производится это довольно просто. Этому научил меня мой сын. Достаточно взять

большой англорусский словарь. Настроить свои глаза на какую-либо характерную часть страницы, например на правое нижнее слово. Затем, перелистывая несколько страниц, выборочно отмечать на отдельном листе чистой бумаги знакомые слова цифрой 1 и незнакомые – цифрой 0. Не следует стремиться к какой-то закономерности при выборе страниц. Законы статистики, даже при не большом числе отсчётов, обязательно дадут вам результат, с высокой степенью достоверности. Именно так и определяется, например, опрос общественного мнения.

Пример:

Отсчёты: 1234567890123456789012345 – всего
двадцать пять отсчётов

Данные: 0010010111010011110000000: нулей –
пятнадцать, единиц – десять.

Так как двадцать пять отсчётов составляют сто процентов, то десять единиц составляет сорок процентов от числа слов в выбранном словаре. Отличный результат! Можно взять большее число отсчётов, например, пятьдесят или шестьдесят. Точность от этого только повысится. Проводите такие самотестирования через один, два месяца и записывайте результат. Улучшение показателей придаст вам уверенности в эффективности выбранного метода. Дерзайте!

Находясь в США такой метод, использовать очень проблематично. Виной тому, опять-таки, различие в стандартах. Там практически все телевизионные передачи сопровожда-

ются титрами для тугоухих людей. Эти титры в любой момент можно включить и выключить, а вот остановить в режиме стоп кадра – нельзя. Декодирующий блок выполнить такую операцию не может. Видеокассеты, продаваемые в России, учитывают факт, что наши телевизоры не оснащены декодирующими блоками. Поэтому на эти кассеты записывают титры как бы «намертво». Их воспроизводить за океаном можно лишь на телевизорах типа мультисистем либо после перезаписи на систему NTSC.

О телевидении и телевизионщиках

Золотое время для телевидения

Когда я работал преподавателем в техникуме, на стене нашей лаборатории висела схема генератора сигналов шахматного поля. Что такое изображение шахматного поля в то время знали все. Телевизоры были некачественные, поэтому, после его включения, требовалось ждать, пока разогреются лампы, отклоняющие катушки и прочие детали. Естественно, всё это время изображение на экране было растянуто либо сжато, а в семьях возникали споры на тему, длиннолицый этот артист или круглолицый. Эти споры были довольно безобидные и скорей напоминали игру, поскольку, каждый мог доказать свою правоту вручную. Я не имею в виду обращение к спорщикам: «Ну, что, ребята, у вас что, нет рук – поговорить?» Для этого и существовали ручки управления «Размер по вертикали» и «Размер по горизонтали». Но на телецентре сидят люди, которым тоже хочется поиграть, вот они и включали время от времени сигнал шахматного поля.

Это было золотое время для телевидения, так как ни у кого не появлялось желания передавать рекламу каких-нибудь товаров или услуг, поскольку ни товаров, ни услуг в то время не было. Да и сам телевизор нужно было доставать. Вот и

получалось, что в перерывах между передачами люди могли подкрутить свои телевизоры, обменяться мнениями и как бы остыть от напряжённости предыдущего сюжета.

Трудно сказать сколько ламп работало в этом генераторе, думаю, что несколько десятков. Да и схема, висевшая на стене, была как простынь «королевской величины». Естественно эту схему, несмотря на требования программы, я даже не пытался изучить, тем более – объяснять студентам. Чисто интуитивно чувствовалось, что это неудачная разработка. Ведь какова информативность такого сигнала? Пустяковая. Так зачем засорять мозги. Свои и чужие. Теперь же, имея сигналы чёрно-белых горизонтальных и вертикальных полос, получить сигнал шахматного поля не представляло никакой сложности. Достаточно было подключить одну логическую ячейку «исключения равнозначности». Думаю, что немногие любители шахмат знают, что изображение доски, за которой они проводят много времени, имеет столь простое математическое выражение.

Но прийти к этому мне удалось лишь через несколько лет. После разработки необходимой теории.

Простите, меня, дамы и сэры. Я, кажется, опять отвлекся... Перенесёмся на несколько лет вперёд и в другую среду, когда я, аспирант Московского института связи, был приглашён прочитать курс лекций для творческих работников телевидения.

Небольшой курс, прочитанный на Шаболовке, принес мне

много знакомых из среды творческой интеллигенции, поэтому всегда, когда мне приходилось бывать на телецентре, я пользовался возможностью заглянуть на тот или иной просмотр, прогон или генеральную репетицию. А это намного интересней того, что показывают обычно на экране. Только на телецентре можно увидеть на экране просмотр негативной киноплёнки. Когда всё «наоборот». Представьте себе зимний мотокросс. Снег и всё, что летит из-под колес, абсолютно чёрного цвета. Или, например... Нет, об этом, в другой раз.

Посещение телецентра и его служб – это всегда интересно. Даже не профессионалам. Ведь не часто доводилось стоять в очереди за бифштексом, например, с Михаилом Жаровым или обедать за одним столом с Аркадием Райкиным. Жаль только, что поговорить с ними о жизни почему-то не удавалось. Но бог с ними, известными и не очень. Меня тогда умиляли гардеробщицы. И не столько они сами, сколько их занятие в свободное время. Обычно рядом с ними стояли большие мешки с письмами телезрителей. Естественно, нераспечатанными. Поэтому, когда у этих бабушек появлялась возможность, они вскрывали и читали эти письма. Те, которые заслуживали, по их мнению, должного внимания, они откладывали в отдельную стопку. Остальные, как мусор – выбрасывали. Вот так осуществлялась связь с широкими массами.

Иногда, довольно нудная связь с телезрителями наруша-

лась какой-нибудь безобидной шуткой. Так, например, знаменитая фраза простой участницы советско-американского диспута: «У нас в стране секса нет!» была искусственно сконструирована из длинного повествовательного утверждения необразованной суфражистки. Но это уже другой разговор...

Почему то время я называю золотым для телевидения, почему специалисты телевидения тогда пользовались заслуженной популярностью? Только ли потому, что они всегда могли прийти на помощь, быстро отремонтировать или настроить телевизор? Нет, не только. Мне, например, приходилось читать лекции о перспективах развития телевидения, о применении телевидения под землёй, под водой и в космосе, когда до полёта Юры Гагарина оставалось ещё несколько лет. На мои лекции собиралась масса народа, и задавалось столько вопросов, что ответить на них в отведенный отрезок времени не было возможности. Не удивительно, что я и мои коллеги гордились своей техникой, великим достижением человеческого разума.

Шли годы и, к сожалению, на телевидение пришли новые беспринципные люди, для которых рабское услужение вышестоящему начальству является главным приоритетом их деятельности. О какой гордости можно говорить, когда телевизор – сгусток и квинтэссенция деятельности тысяч научных работников, инженеров и техников – народ называет «ящиком навязчивой пропаганды»? На телевидении появились виртуозы скрытой и вирусной рекламы и оправдание

у них есть: «У нас рыночные отношения, и мы тоже хотим зарабатывать деньги». Зарабатывайте, ради бога, но знайте меру... Ведь Кургеньян, Проханов, Киселёв и прочие «патриоты и американофобы» наносят людям вред несопоставимый с любыми деньгами. Вспомните до чего можно довести своих, не зарубежных, телезрителей, которые голыми руками отправились штурмовать телецентры Вильнюса и Останкина. Подумайте хотя бы о своем будущем, о будущем своих детей и внуков. Впрочем, боюсь, что о будущем вы подумать не сможете, у вас все мысли лишь о прошлом, так как вы люди прошлого, мракобесного периода, и мне тратить время на вас, просто жалко.

Да, ещё пару слов, пока не забыл. Телевидение показывает не только события, но и эмоции, которые просто невозможно скрыть. Посмотрите несколько КВНов, когда показывают так называемую судейскую коллегия и её председателя, Константина Эрнста. Вроде нормальный мужик, но неужели он, человек, который «может всё» не замечает, какая степень подбострастия и подхалимажа играет на лицах его подчиненных? Неужели ему это нравится? Действительно, здесь собрались не только весёлые люди. Я имею в виду операторов. И ножницы здесь не помогут. Если так будет продолжаться, то недалеко то время, когда вся страна перейдет на японо-азиатскую культурную традицию – по любому поводу улыбаться и кланяться, кланяться и улыбаться, повторяя при этом, вместо «простите пожалуйста», япона мать-ать-

ать-ать... Впрочем, подобную картинку можно наблюдать и на более высоком уровне.

У современного телевидения масса недостатков, которые в современном обществе просто недопустимы и их нужно исправлять. Найти определённый «корень зла» или точку, куда нужно приложить рычаг. Провести конкурс или референдум... Если бы Владимир Владимирович спросил у меня совета, я бы посоветовал ему отправить в отставку руководителей всех центральных каналов. Ведь их немного и они люди не бедные, где-нибудь на Канарах они найдут себе бунгало, прислугу и девочек, для самореализации... Но кого интересует мнение бывшего спортсмена, бывшего директора акционерного общества, старшего научного сотрудника, к тому же самодеятельного писателя-фантаста?... Уж больно скучный получился разговор. Расскажу лучше о людях, которые внесли свет и радость в каждую семью, ведь телевидение это не только «ящик дезинформации и рекламы».

Профессор Брауде

С Гиршем Брауде я встретился впервые в стенах НИИ, куда я был направлен после окончания аспирантуры и защиты кандидатской. До этого я его знал только как одного из корифеев, стоявшего у истоков телевидения. Мне даже казалось, что он, если не как Архимед, то уж точно как Бладис – автор таблицы логарифмов. Оказалось, что нет. Ему уже, правда, было давно за шестьдесят, но для учёного, каким был Брауде, это не возраст. Я знаю случаи, когда известного учёного не отправляют на пенсию до тех пор, пока он способен только держать авторучку в руках и не портит бюллетень для голосования в учёном совете. В данном случае он как вино. Чем старше, тем ценнее.

Он, конечно, знал, что Чёрнобелый направил к нему в лабораторию нового специалиста, но как-то особых восторгов не выражал. Больше того, после соответствующей беседы, у него ко мне особого интереса не появилось. Объяснялось всё очень просто. Лаборатория Брауде занималась коррекцией телевизионных сигналов, а меня эта тема несколько не интересовала.

Гирша Вульфовича Брауде следовало – бы назвать рыцарем телевидения. И если бы было такое звание, то, безусловно, он бы его получил. Я поясню свою мысль.

Телевидение как таковое не имеет своего единого изобре-

тателя. Оно появилось как результат постепенного накопления большого числа изобретений и технических решений из различных областей науки и техники. И только после того, как оно начало приобретать, естественно, в стенах научных лабораторий, вид перспективный, как сейчас сказали бы, для коммерческих целей, главенствующая роль перешла в руки специалистов по радиотехнике и радиоэлектронике.

Долгое время на телевидение смотрели как на забавную игрушку и, естественно, плохо субсидировали. Многие, ставшие впоследствии знаменитыми учёными, меняли профиль своих работ. Переключались на работы, связанные с радиолокацией, радионавигацией, ускорителями частиц и так далее. И это довольно легко объяснить. Ну, кому, скажите, хочется работать на теме, которая не сулит реальный результат в ближайшие годы. Ведь в другом месте было всё наоборот. Быстрый рост, премии, лауреатства. К тому же там хорошо платили.

В отличие от других, Брауде всегда или почти всегда, за исключением, правда, одного, кажется, раза служил одному направлению техники – телевидению. При этом он выбирал самую сложную, самую нужную в данный момент, тему для своих работ.

Около восьмидесяти авторских свидетельств на изобретения получены им в различное время. Он бы получил их и больше, если бы относился к процессу оформления этих заявок более серьёзно.

Нет никакого смысла перечислять все его изобретения. Я лучше упомяну о наиболее известных. Он изобрел двухстороннюю мишень для суперортикона. Тем самым, дав жизнь уникальному устройству, которое представляло собой передающую трубку, позволившую получить самое высококачественное изображение. Многие годы эта передающая трубка работала на телецентрах во всём мире. Продолжает она работать и сейчас. В неё, правда, внесены некоторые непринципиальные дополнения. Но это дела не меняет.

Последние годы любители старины тратят большие деньги на поиск и восстановление старых вещей – раритеты. Что-то в этих вещах содержит не только музейную, вызывающую ностальгию, но и большую эстетическую ценность. Помню, как на Шаболовском телецентре мне удалось, совершенно случайно, найти отслужившую свой век трубку суперортикон. Я принёс её в лабораторию и поставил на свой стол.

Она была прекрасна. В ней хорошо просматривались все детали, находящиеся внутри стеклянной колбы, двухсторонняя диэлектрическая мишень (на одну сторону которой проецируется световое изображение, а с другой стороны это изображение считывается) вынесенной под углом электронной пушкой, электроды для коррекции электростатического поля и другие элементы. Долго мы любовались этой конструкцией. Кто-то даже сказал, что по своей эстетике она не уступает автомобилю Руссо Балт. Несколько месяцев она ещё радовала наши глаза. А когда к ней уже все привыкли, и

перестали даже замечать, мне показалось, что её может нена- роком, выбросить уборщица и я забрал (как бы своровал) этот не принятый в музей экспонат.

Если бы Брауде не создал ничего, кроме суперортикона, то всё равно его имя вошло бы в историю телевидения. Даже в современном телевизоре можно обнаружить немало техни- ческих решений разработанных Г.В. Брауде. Это конденса- тор вольтодобавки и схемы различных коррекций и многое, многое другое.

Но то время было очень тяжёлым. И не всегда учёный мог заниматься любимой тематикой. Известно, что во время вой- ны Брауде поручили разработать систему опознавания свое- го самолёта. Так называемая система «свой – чужой». С этой работой он справился блестяще и многие лётчики должны быть благодарны учёному за надёжную секретную «коробоч- ку», спасавшую им жизнь. Только за эту работу Брауде по- лучил Государственную (бывшую Сталинскую) премию.

Известный всей стране Московский Энергетический Ин- ститут (МЭИ) задуман был как главная «кузница» кадров для энергетики и электрификации. Он был открыт в 1930-м году и привлёк к себе многих известных учёных и специали- стов. Но техника развивалась, и скоро стало ясно, что суще- ствует значительная потребность в специалистах радиотех- нического профиля. Так появилась кафедра радиотехники. После войны во главе этой кафедры стал Гирш Брауде. Всё было хорошо. Талантливый учёный начал развивать свою те-

матику, в перспективности которой он не сомневался. Появились ученики, единомышленники...

Но, вот во главе такого института становится дама. И не просто дама – товарищ Голубкова. То, что она никакого отношения не имела ни к науке, ни к энергетике выяснилось очень скоро. Стало известно также, что ей это и не нужно, так как она жена самого Георгия Максимилиановича. Как, вы не знаете кто это? Так это же Маленков! Ближайший соратник и приемник вождя всех народов.

Много я потерял в своей жизни. О работах Брауде написано немало. А вот о его жизни, особенно в тяжёлые их периоды не написано ничего. Как будет тяжело историкам науки воссоздать правильную картину прошлого. К сожалению, я, имея такую возможность, упустил её. Работая с Брауде многие годы, мы были очень близки и откровенны. Но об этом периоде его жизни я знаю очень мало. Но попробую на основании известных мне фактов как бы реконструировать тот небольшой этап в деятельности учёного.

Итак, большой, правильной сказать, очень большой кабинет. На стенах солидные, богато выполненные картины. Но это не портреты выдающихся учёных, как-то связанных с научным направлением института, таких как Максвелл, Фарадей или Герц, и не выдающиеся изобретатели Эдисон, Морзе, Попов. И уж тем более не выдающиеся профессора и академики, некогда работавшие в его стенах. Совсем нет. Это портреты наших вождей и самых любимых в народе членов

ЦК КПСС.

Во главе, за гигантским столом сидит крупногабаритная дама. Она же директриса института, она же жена вождя Маленкова. Вокруг неё, как и принято у таких бонз, парторг института, председатель месткома, заместитель директора по кадрам (КГБешная должность), пару членов парткома и хозяйственников и каким-то образом никак не вписывающийся в эту компанию – заместитель директора по научной части. Одним словом – актив.

Перед столом стоит грузный, невысокого роста, с мудрым Сократовским лбом, одновременно лысоватый и седой человек с палкой, на которую он слегка опирается. Не очень опрятный и выглаженный, так как о внешнем своём облике не очень заботился...

На каком-то этапе мужчины начинают переходить в зрелый возраст, при котором у одних судьба или наследственность отнимает волосы, а у других меняет только их цвет. К Брауде она отнеслась по справедливости, взяв частично то и другое в знак компенсации за светлый ум.

Подобный ненаучный вывод я сделал много лет тому назад, когда мы, собравшись вместе, отмечали тридцатилетие окончания школы. Слегка выпив, а как можно без этого?.. Действительно слегка, потому, что после этого мы играли в футбол, разделившись на седых и лысых. И только я один, неординарный как всегда, выполнял функции судьи, так как не подходил ни одной из команд. Но эта неординарность

вскоре сменилась на прическу как у Брауде.

– Так какой кафедрой Вы заведуете? – спросила дама.

– Радиотехники, – последовал ответ.

– А какой наукой Вы увлекаетесь? – есть люди, которые считают, что наука это не работа, а что-то наподобие ловли бабочек. Иногда такая мысль исходит даже из уст весьма уважаемых учёных. Известны крылатые слова типа: «Наука – это удовлетворение любознательности за государственный счёт» или «Мы на работе получаем удовольствие, а нам ещё за это платят» и так далее. Об этом можно прочитать в различных вариациях книги типа «Физики шутят». Но рассчитано это на людей, понимающих шутку.

Г.В. Брауде понимал шутки. Но даже в этих условиях, когда многие его коллеги и друзья всё ещё были в лагерях или работали в «шарашках» он ответил спокойно и с достоинством:

– Я не увлекаюсь, я работаю в области телевидения.

– А что это такое? – последовал вопрос. Человеку её положения следовало бы знать хотя бы азы техники.

– Это та техника, которая позволит наш с Вами разговор увидеть и услышать всем, кто этого пожелает. – Более недипломатичного ответа трудно даже придумать. Притом это был не выпад против начальства. Просто наивный как ребёнок профессор от всей души в самой сжатой и популярной форме выразил довольно сложное понятие.

– А КГБ об этом знает? – последовал новый вопрос.

– Думаю, что КГБ знает всё!

Затем актив попросил учёного удалиться. Что там происходило в его отсутствии не трудно догадаться. Очевидно, очень усердствовал самый заинтересованный человек, заместитель завкафедры. Я не случайно и не по забывчивости не упомянул его в составе актива.

Просто моё отношение к таким людям таково, что лишнее общение с ним не доставляет никакого удовольствия. Как сказал поэт: «Я такого не хочу даже вставить в книжку».

Он, как я знаю, сказал немного:

– Профессор мало интересуется учебным процессом, а всё время проводит какие-то эксперименты.

– И что, в одиночку? – спросила дама.

– Нет. У него есть ученики.

– И что это за люди?

– Разные, – последовал ответ, – есть среди них евреи.

– А сам этот Гирша, как его... Вульфович тоже или из немцев?

– Тоже.

– И это всё делается за спиной руководства института и вне планов. Как это можно терпеть? Особенно теперь, когда наша партия взяла решительный курс на борьбу с безродным космополитизмом!

– Я уже написал несколько докладных записок... – промямлил стукач.

Слово попросил заместитель директора по научной части.

Он как-то пытался объяснить, что знает работы Брауде, что так всегда принято: новые работы проводить за счёт других, бесперспективных... Но увидев полуснисходительные улыбки окружающих, как-то сник и понял, что в данной ситуации вопрос уже решён.

– Да, вопрос решён, – сказала дама. – Такому человеку не место в нашем коллективе. Мы не можем вывести его из состава учёного Совета. Вы уж постарайтесь сделать это без меня, – при этом она кивнула как бы одновременно и замам по науке, и кадрам. И добавила:

– Да-да, по собственному желанию. Всё-таки Лауреат.

– Я и сам хотел уйти оттуда, – рассказывал позднее Брауде. – Институт, который за короткий срок превратился в болото антисемитизма, разве можно в таком работать?

Безработица на разных людей оказывает разное влияние. Зарубежные учёные и специалисты, если их по какой-то причине настигает безработица, рассматривают это время как естественное явление. В это время они обычно занимаются любимым делом в самом комфортном режиме и получают пособие, которое мало отличается от их, и без того приличной, зарплаты.

Но у нас ведь особый путь. К тому же время очень непростое. Брауде никуда не ходил. Ничего не добивался. Он работал дома. Естественно, без зарплаты. В это время он разрабатывает теорию коррекции телевизионных и импульсных сигналов, которая со временем преобразовалась в солидную

монографию и стала учебным пособием для многих специалистов.

Несколько месяцев длилась его безработица. На что же он надеялся? Известно, что специалисты такого уровня обычно не ищут работу. Работа ищет их. Обычно Вузы, для укрепления своих научных кадров, объявляют конкурсы на замещение той или иной вакантной должности. Однако в то время все общепринятые нормы просто забыли. Их не отменяли, их просто обходили. И при приёме на работу важнейшими характеристиками были в первую очередь анкетные данные.

Никого не интересовало, что Брауде был человеком с мировым именем. Беспартийный еврей – и этого было достаточно. Должно было произойти невероятное. Сейчас в это трудно поверить, но именно так и произошло. Известному учёному, академику Аксель Ивановичу Бергу было поручено разработать структуру нового научно-исследовательского института и рекомендовать на соответствующие научные должности ведущих специалистов страны. Что он и сделал весьма добросовестно. В этот документ и попал профессор Брауде наряду с другими, уволенными из ряда Московских Вузов.

Рассказывают, что Бергу пришлось перенести несколько тяжёлых сражений с работниками ЦК КПСС, отстаивая каждую неуютную фамилию. Но не такой был Аксель Иванович! Он отстаивал каждого. Однако, скоро Брауде предложили должность начальника лаборатории в отделе телевидения

одного Московского НИИ.

Сам стукач, добившись своего и став, позднее, исполняющим обязанности завкафедрой, потом долго не мог в полной мере воспользоваться плодами своего «успеха». Его не принимали на защиту диссертации всюду, куда бы он не обращался. Но это так, к слову.

После смерти Сталина, Голубкова, как и её муж были задвинуты куда-то на окраину отечественной энергетики, и о них уже никто не вспоминал. В МЭИ появилось новое руководство. Часто сменялись ректоры. Некоторые были назначенцами ЦК, а некоторые – их учениками. Были среди них и довольно приличные люди. А один был даже свидетелем на моей свадьбе. Но это было намного раньше, чем его звезда засверкала драгоценным аметистом на вершине руководства крупнейшим Вузом.

Но никогда, повторяю, никогда кафедра радиотехники МЭИ не восстановила доброго имени и научной значимости среди специалистов. Видать, наука – это слишком хрупкий материал, требующий особо бережного к себе отношения.

Компьютерная революция?

Анекдот о любознательном котёнке я часто вспоминаю в связи с другим интересным событием моей жизни... На эту конференцию я попал совершенно случайно. И записался на выступление тоже без всякой подготовки, т. к. конференция была по вычислительной технике и посвящалась разнообразным устройствам отображения информации. Выступавший передо мною солидный мужчина рассказывал, какие трудности возникли у них при разработке их осциллографической системы, какие проблемы им пришлось преодолеть для получения качественного изображения там, где никогда ранее даже не ставили такую задачу, обращал внимание слушателей на детали многочисленных чертежей, развешанных на всех стенах.

Наверно я напоминал не котёнка, а скорее пионера в коротеньких штанишках, когда неожиданно для всех заявил, что всё вышесказанное ерунда и чушь собачья... А откуда я мог знать, что выступавший передо мной специалист является признанным авторитетом в данной области. Что совсем недавно вышла его книга, посвященная формированию символов на электронно-лучевых трубках. В ней разбиваются любые попытки использования телевизора. Любимое выражение признанных корифеев – «товарищ не понимает» вместе со снисходительной улыбкой начало постепенно пятить-

ся назад по мере моего выступления и демонстрации фотокарточек моих экспериментов. А выражение: «Стоит ли так много трудиться, чтобы пополнить запасники политехнического музея», вызвали последний взрыв эмоций. Было это в 1966 году. Примерно через год после поступления в аспирантуру и пионера я напоминал с очень большой натяжкой. Разве что своей задорностью... Этот год я привожу не случайно и не затем, чтобы ещё раз доказать, что «Россия – родина слонов». Просто так будет легче осветить тёмные стороны нашего «светлого» прошлого... Неординарному хулигану Стиву Джобсу в то время было десять лет...

Компьютерную революцию связывают с появлением в 1975 году персонального компьютера. Два американских паренька, Стив Возняк и Стив Джобс в сарае изготавливают первый персональный компьютер. Собственно говоря, этот компьютер сделал Возняк, а Джобс был его другом и деловым партнёром. В Америке, также как у нас в России, у многих изобретателей имеется свой соавтор, но характер его работы отличается коренным образом. Для нашего читателя это может показаться странным, но такой соавтор не мешает работе, а содействует и вносит порой неоценимый вклад, который зачастую непосилен основному исполнителю. Возняк был талантливый изобретатель и всю свою жизнь он посвятил созданию новых инженерных конструкций. Людей, которые, всё свободное от работы время, занимаются конструированием радиоэлектронных устройств, у нас называют ра-

диолюбителями. Возняк сочетал в себе качества радиолюбителя и знания профессионала, так как, уже в то время, поступил в Беркли. Хороший радиолюбитель, человек увлечённый, добивается, порой, таких результатов, которые удивляют и вызывают зависть высокообразованных профессионалов. Пусть на меня не обижаются специалисты, но я знал несколько таких радиолюбителей. За каждого из них можно было отдать пару дипломированных инженеров, в первую очередь заочников и вечерников. Знал я также руководителей, которые умели только руками водить. С моей лёгкой руки, таких часто называют чёрно-белыми и чёрно-серыми...

Джобс был не такой. Неординарная личность, он был на четыре года моложе своего друга. Такой выбор делового партнёра был не случайным, ещё в школе он слыл отпетым хулиганом, который дружил только с ребятами старшего возраста. Из школы его исключали много раз, а однажды, он чуть не угодил в тюрьму за то, что подложил в учительскую взрывчатку. Достижения Возняка были не менее впечатляющими, он принес в школу тикающий муляж самодельной бомбы. Школьников, конечно, эвакуировали, а будущего талантливого изобретателя отправили на психиатрическое освидетельствование.

Первое электронное устройство, которое смастерил студент Возняк, позволяло выдавать междугородные телефонные звонки, за местные. Понятное дело, что такое устройство, которое позволяло экономить деньги, с успехом про-

давалось, и школьник Джобс впервые почувствовал интерес к организации малого бизнеса и продаже этих изделий. Но в молодые годы он ничем не отличался от своих сверстников, на выпускном вечере, после окончания школы в 1972 году, он крепенько надрался и, покинув дом своих приёмных родителей, отправился учиться в колледж. Но учился он не долго, так как после первого семестра его отчислили. Следует сказать, что в Америке очень строго относятся к студентам, которые недобросовестно относятся к своим обязанностям. А кому нравятся студенты, интерес которых направлен на поиск смысла жизни, но видят этот смысл почему-то в отказе от мяса, в курении марихуаны, приёме ЛСД и занятиях йогой. Мятущаяся натура и безденежье бросали его из одной сферы в другую, поэтому за короткий срок он успел поработать проектировщиком видеоигр в компании Афари, занимался трансцендентальной медитацией в Индии, куда занесло его стремление к просветлению, ремонтником и продавцом подержанных автомобилей после возвращения в Штаты, какой-то химией... Но все эти занятия никак не влияли на его увлечение электроникой и дружбу с Возняком, который упорно продолжал собирать различные электронные конструкции. Одна такая конструкция и оказалась первым персональным компьютером «Apple-1».

Стив Возняк прекрасно понимал, что его изделие не является чем-то выдающимся, поскольку следует лишь достижениям современной электроники и другим смежным дис-

циплинам, в то время уже были хорошие микросхемы памяти, микропроцессоры и даже телевизионные дисплеи. Больше того, уже существовало несколько разработок, в которых дисплей был оснащён микропроцессором. Называли его по-разному, но чаще всего, активным дисплеем, или устройством ввода-вывода, который по всем формальным признакам и архитектуре можно было бы назвать вычислительной машиной. Новизна творения американских энтузиастов, на мой взгляд, была лишь в названии «персональный компьютер». Но об этом не знал Джобс. Он отверг мнения многих специалистов, что такое устройство не найдет применения в доме у обывателя. Поэтому, сложив свои деньги, вырученные от продажи микроавтобуса «Фольксваген», а также деньги Возняка, полученные от продажи его калькулятора и Рона Вейна, третьего компаньона, они основали собственную компьютерную корпорацию Apple Computers. Бизнесмену Стиву Джобсу было в то время двадцать лет.

Дом приёмных родителей приютил молодую корпорацию. В гараже расположилась производственная лаборатория, спальню превратили в помещение для персонала, а гостиную – в склад готовой продукции.

Самый крупный коммерческий успех Джобса связывают с продажей первых пятидесяти компьютеров «Apple-1», Джобсу удалось уговорить владельца магазина электронных самоделок Пола Террела взять на реализацию эту партию по оптовой цене – пятьсот долларов за штуку. Розничная же це-

на электронного яблока была вообще сатанинской, поскольку состояла из одних шестерок – 666,66 долларов. Довесок в шестьдесят шесть центов следует отнести к американской традиции, не любящей круглых цифр. Даже став бизнесменом, Джобс продолжал оставаться неординарным хулиганом.

Но трудности только начинались. Пол Террел отказался вносить предоплату, а стартового капитала не хватало даже на микросхемы. У друзей и знакомых удалось занять пять тысяч долларов, а ещё пятнадцать тысяч взяли в кредит в банке, на один месяц. Больше не давали. Уж очень не предсказуемой была эта сфера человеческой деятельности. Но бизнес, как известно, не любит слабонервных. В среде компаньонов возникли трения и Рон Вейн, испугавшись финансовых трудностей, продал свои десять процентов акций Джобсу и Возняку за восемьсот долларов. Если бы он мог знать, что через шесть лет, в 1981 году объём продаж персональных компьютеров достигнет тридцати миллиардов, он вряд ли поступил бы так опрометчиво. Здесь невольно напрашивается сравнение с нашими демократическими политиками, основавшими партию «Яблоко». Может быть, и они когда-нибудь добьются подобного успеха.

Стив Джобс не создал ни одной из составных частей компьютера. Да их и создавать к тому времени не нужно было. Достаточно было использовать готовые узлы и микросхемы более высокой степени интеграции. Вот почему не послед-

няя роль была отведена сестре Джобса, которая помогала Возняку собирать из микросхем компьютерные платы. Однако Джобсу в данной команде по праву принадлежала главная роль, без его участия персональный компьютер не смог бы завоевать мир. Дар предвидения, невероятная работоспособность и фантастическая удачливость – вот чем обладал бывший хулиган. Джобс в переводе с английского означает «трудыга», и всю свою жизнь он как бы подтверждал это, поэтому в годы становления фирмы, он работал по двадцать часов в день, совсем без выходных.

Американская пресса подробно описывает, как достигли успеха известные бизнесмены и в первую очередь те, «которые сами себя сделали». Среди них Бил Гейтс, Дональд Трамп, мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг, Стив Джобс и другие. И, действительно, на их примерах можно чему-то научиться. А какой толк в опыте толстосумов, которые, высасывают из Земли её последние соки или, получив крупное наследство, только и могут, что тратить бешеные деньги. Может быть поэтому они и не появляются на экранах, а тихо сидят в своих замках арабских эмиратов, анонимно скупая шедевры живописи и небоскрёбы Манхэттена. Миллиардер Джон Пол Гетти, отвечая на вопрос журналиста, как достичь финансового могущества, сформулировал так: «Вставай рано, трудись упорно, найди нефть». Джобс, сам того не осознавая, выполнил все приведённые выше требования. Он вставал рано, трудился упорно и нашёл... Возняка.

А могло ли получиться так, что Джобс, не встретив Возняка, занялся бы чем-либо другим и персональный компьютер не появился в нашем доме? Нет, конечно, нет, он бы всё равно появился, но в другом месте и в другое время. Логичней был бы вопрос: а почему он не появился на несколько лет раньше? Ведь для этого были уже все предпосылки. Такой вопрос мне задавали неоднократно, и я часто отделивался шуткой: «Не было под рукой Джобса.». На самом деле, крупные компьютерные фирмы занимались крупными «машинами» и у них было достаточно заказов от военных, авиационных и космических фирм. Кого интересовала такая игрушка? Универсальное же устройство могло появиться в развитии электронной почты или как электронная пишущая машинка. Но не появилась, и я уже писал об этом от имени фантаста. Почему? У нас, до перестройки, были и другие причины.

Предположим, что Джобс или человек подобный Джобсу – какой-нибудь наш хулиган, назовём его для определённости, Саня Иванов или, скажем, Стас Трудягин – задумал реализовать подобную авантюру. Так, или иначе, он пришёл бы ко мне. Я же, со своей стороны, сварганил бы ему клавиатуру и дисплей от электронной почты, пришпандорил к ним коробочку с микропроцессором, организовал простенькую программу. В центре экрана крупными буквами нашлепал надпись:

«Груша – 1»

Казалось бы всё. Персональный компьютер у нас на столе. Что дальше? Отвечаю: тюрьма. Потому, что в магазинах микросхемы не продавали, их можно было купить на чёрном рынке, но они ворованные. Ладно, не будем вдаваться в детали, предположим, что эту проблему он, Стас Трудягин, как-то решил. У хорошего радиолюбителя всегда в заглазнике найдется пара десятков микросхем. Как теперь собрать эти компьютеры? Сараев у нас много и монтажников хватает, но организовать подпольное производство или собирать на коленках тоже не просто, не намного проще, чем печатать деньги. Мне так кажется. Пойдем дальше. Как продавать эти компьютеры? В магазины их не возьмут. Можно попытаться продавать из-под полы, как это делали всякие цеховики и фарцовщики с джинсами, но кто на это пойдёт? Ведь такое устройство в сумку не запрячешь и на себя не напялишь. Не поэтому ли «самая передовая и прогрессивная» система плодила только чёрно-белых и чёрно-серых организаторов? Таким как Джобс в тоталитарном обществе места не было. Также как и тем, кто как-то пытался опередить своё время. О всяких там генетиках-кибернетиках, а также о современных айфонах и айпадах я даже не говорю. Скучно... И, наконец, хочется вспомнить фразу из раннего издания моего любимого «Золотого телёнка»: «Ну и наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс!» Последние слова не для всех, а только для ваших сторонников, Геннадий Андреевич Зюганов.

Инициатива наказуема

Прошло немного лет. Отгремели взрывы перестройки и всеобщего развала. Из института я ушёл, чтобы начать свой, собственный научно-внедренческий, бизнес. Вначале всё было хорошо. У меня были прежние заказчики и исполнители. Но, потом, как-то незаметно экономическая ситуация начала ухудшаться и докатилась... Впрочем, начнем с нуля. Какую точку отсчёта принять за ноль? Когда вас приглашают на какую-то встречу, то сразу возникают вопросы: что, где, когда и кто? Первые три вопроса весьма важные, но главным для меня является последний вопрос, а именно «кто там будет». В зависимости от этого я иду с удовольствием, довольно нехотя, либо вообще не иду. Стараюсь как-то увильнуть от оказанной чести. Так и здесь. Начнем с самого важного.

Профессор Брауде не дождался перестройки и ушёл на пенсию. Он, конечно, мог бы ещё поработать, никто его не гнал, но, видно, возраст берёт своё. На его место назначили преемника, его ученика. Человека молодого, энергичного, партийного. А как же иначе? Иначе и быть не могло. Наша демократия, самая демократичная в мире, позволяла начальнику отдела Чёрнобелому назначать любого исключительно по своему вкусу, а Чёрнобелый – далеко не академик Берг, поэтому он в кадровых вопросах особенно бдительный

и очень боится, как бы его в чём-нибудь не обвинили...

Чёрнобелый – это наш бог и царь. У него не только артистичная внешность, стать и голос, но и ряд других качеств, необходимых для советского руководителя. Умение дружить со всеми вышестоящими начальниками и, естественно, с партбоссами дало ему в руки рычаг, позволяющий не писать научные работы, а только подписывать их. Так уж получилось, что я сам его выбрал в качестве официального оппонента для защиты диссертации. А после защиты он пригласил меня к себе на работу. Мне кажется, что при выдвижении кого-либо он руководствовался старой мудростью: повышая одного, приобретаешь одного неблагодарного, но много завистников. Здесь же была безвыходная ситуация и обещаниями не отделаешься.

Итак, молодого, спортивного, энергичного... Хочется ещё что-нибудь добавить эдакого позитивного – как-никак, а место всё-таки заметное. Но чего нет, того нет. Да, была у него одна замечательная черта: он не вмешивался в мою работу, за что я был ему очень благодарен.

Звали его Митя. Был он неплохим инженером. Затем поступил в аспирантуру. Здесь же, в нашем НИИ. И руководитель у него был весьма и весьма солидный. Казалось бы, тебе и карты в руки, забудь на время свою гитару, дерзай, твори... Но чего нет, того нет. Шли годы, аспирантура закончена, но результата, я имею в виду положительный результат, не получилось. Ладно, бывает. Не всем же, в конце концов,

остепеняться. Меня не очень беспокоило, кто надо мной поставлен, Чёрнобелый или Чёрносерый. Но так продолжалось недолго. Начались перебои в финансировании. Раньше работы Брауде всегда были обеспечены сполна. Теперь же каждый день начинался примерно так:

– Ну что, Гуглин, удалось вам добыть денег для лаборатории?

– Да что ты, Митя, кто сейчас даст лишние деньги. Для своих работ с трудом нахожу.

– Так уж с трудом? – добавляет он. – Плохо стараетесь. Иногда я, начинал приветственный диалог:

– Так что, Митя, ты ещё не вышел из своей партячейки?

– И не думаю, – отвечал он.

– Смотри, голубчик, как бы тебе не стало мучительно больно за бесцельно уплаченные взносы. – продолжал я.

Что-то в этих несущественных репликах напоминало мне разговор с моим колхозным бригадиром в одесском институте. Может быть, обратное чередование ты и вы, или созвучие имён. Впрочем, нет, этот мой начальник был намного лучше и умней. Да и человеческие качества у него были более приемлемы. Когда, я хочу убедить себя в чём-либо, я начинаю придумывать какую-нибудь теорию. Например, такую. У каждого человека родителей – два, бабушек, дедушек – четыре, прабабушек, прадедушек – восемь, и так далее: 16, 32, 64, 128... Обычная двоичная система. Если продолжать и отсчитать много поколений, то число моих предков, как-то

сравняется с численностью населения. Значит все мы родственники.

Не верите? Есть небольшая натяжка? Ну, тогда продолжайте двигаться в обратную сторону по оси времени и вы обязательно, по мере уменьшения числа населения, придете к Адаму и Еве. Чем не основа для мирного сосуществования и дружбы народов. Но... Вот тут-то и начинаются всякие соображения и теории, которые могут завести очень далеко, причем в различные стороны. А поскольку у меня нет желания одновременно двигаться в противоположных направлениях, то целесообразно просто прекратить дальнейшие рассуждения. И всё.

Ещё одна характерная особенность чёрно-белых начальников – это делать недостойные вещи чужими руками. Как-то звонит мне бригадир монтажников из производственных мастерских и говорит:

– Знаете, тут у меня возникла сложность. Нужно отметить трёх человек, принимавших участие в изготовлении макета вашего устройства. Для получения медалей ВДНХ. Не можете ли сформулировать, что мы делали?

– Естественно, могу. Но почему эта бумага обходит меня стороной?

Всё объяснялось очень просто. Моё устройство на выставке ВДНХ завоевало Золотую медаль. О том, сколько труда и здоровья ушло на получение такого результата, я даже не говорю. Но такое устройство не делает автор в одиночку. Его

делает, как я уже говорил, большой коллектив, включая кроме инженеров и техников, и монтажников, и других производственников. Поэтому к одной Золотой медали прибавляли две серебряных, три бронзовых и грамоты. В таких институтах, как наш, что не говори, это небольшое, но событие. Поэтому здесь включилась «наша родная коммунистическая партия», короче партбюро.

Сначала был подготовлен список тех, кто принимал действительное участие в разработке. Потом в него начали включать более достойных, потом – более нужных, более подходящих, высокопоставленных, проверенных. Если учесть, что список дополнялся всё время сверху, то становится понятным, что в какой-то момент времени главным исполнителям не остается места. Вот такой соцреализм. Почему-то всегда в таких ситуациях Чёрнобелого нет.

– Где шеф? – уехал в командировку. Симпозиум в Париже, коллоквиум в Мадриде, семинар в Дели, конференция в Токио, совещание в Мелитополе, отдых на Гаваях... – А без него, сами понимаете...

– Райкому не нравится состав участников. Догадываетесь, почему, – сказал Митя.

– Я догадываюсь, но мне это очень не нравится. Передайте вашему райкому, что я ставлю ему неуд по поведению. – В то время я работал преподавателем в институте радиоэлектроники, по совместительству, и увлекался идеей оценок различных мероприятий и поступков, как это делается, напри-

мер, в вузах США.

– Ну, что ты волнуешься, Илья, – сказал мне парторг Лёня. Он когда-то у нас работал, а потом пошёл в рост, но по партийной линии. Чтобы быть ближе к народу он всех называл по имени. И мы его тоже, также. Как говорится, народ и партия едины, но ходят в разные магазины.

– Неужели тебе мало того, что ты имеешь? Книжки написал, авторские свидетельства получил. У тебя ведь уже есть такие медали. Дай и другим отличиться. У ребят ведь ничего нет!

– Ты что, считаешь, что у меня вся грудь в орденах? До вашего бывшего вождя мне ещё далеко. – Имелся в виду, конечно, наш дорогой Леонид Ильич Брежнев. Бывших апостолов разрешалось ругать, поносить, пинать, и всё это было уже не большой вольностью. Как бы взмахами кулаков после драчки.

Именно тогда и появилась мысль взяться за игровые автоматы. А почему нет? Опыт есть. Начал я заниматься этой тематикой давно, после авиационного тренажёра. Даже доклад сделал на ежегодной Поповской сессии. И назывался он не просто: «О структурной однородности телевизионных тренажёров и игровых автоматов». Чуть не растерзали меня вопросами. Такой был интерес к этому в то время. После этого были работы в других фирмах, в которых я принимал участие или оказывал посильную помощь. И в «Союзаттракционе», куда я с удовольствием привозил своего сына поиграть на отведенных для этой цели выставочных образцах, я

был своим человеком. Следует сказать, что отношение детей к игровым автоматам, также как и к другим играм, является хорошим индикатором их значимости и ответом на многочисленные, затеваемые властями, диспуты типа: «Нужны ли советскому человеку игровые автоматы»? Да, нужны. Но нужны ли они мне? Ответить на этот вопрос было значительно трудней.

Лет десять – пятнадцать тому назад у меня не было сомнений. Но сейчас, когда появились довольно удачные зарубежные разработки, создать что-то новое, оригинальное, которое было бы лучше, дешевле и главное, легко выполнимое в наших условиях, совсем не просто. Но были и другие соображения. Сокращение госзаказов привело к простоям производства. Назревало сокращение штатов, увольнения рабочих и служащих и все связанные с этим последствия. Всё это я не мог не учитывать, когда решился, наконец, и позвонил Иванову, заместителю директора по производству. Тут, нужно сказать, что сам Иванов был не большим учёным, вернее, совсем им не был, но у него проявился определённый талант организатора, который и вывел его на позицию второго человека в институте. И это его качество признавали все, поскольку видели в нём руководителя сразу нескольких заводов.

– Приезжайте прямо сейчас, если у вас есть время. Дело серьёзное, чего откладывать...

– Значит так. Попробуем обобщить наш разговор, – про-

должал Иванов. – Начнем с конца. «Союзаттракцион» может купить столько автоматов, сколько мы сможем сделать. Рынок, как говорится, с неограниченными возможностями.

Потом, почему-то добавил: «Поле чудес, в стране дураков».

– Вы это к чему, – поинтересовался я.

– Это я к тому, – ответил он, – что в институте никто ещё не предложил ничего путного для выпуска товаров народного потребления. – Потом, как бы продолжая начатый разговор, спросил:

– А как к этому отнесётся Чёрнобелый? Он что, в командировке? Думаю, ему это не понравится.

– Конечно, не понравится, – ответил я. – Иное даже представить тяжело. Но если ждать его согласия, то не стоит и браться. К тому времени я уже несколько раз пытался поднять большую и серьёзную тему: заказчики – выше и не бывает, давали любые деньги и т. д. Одним словом – космос!

– Итак, остались пустяки. Вы разрабатываете автомат. Мы обеспечим вас конструкторами и производством. Всякие художники, дизайнеры, компьютерщики – это ерунда. Дадим задание отделу вычислительной техники, пусть ломают голову...

К сожалению, голову ломать пришлось мне. Притом, одновременно со всеми. И с художниками, и с компьютерщиками, и с дизайнерами. Но больше всего со своим начальством.

– Как ты посмел, в моё отсутствие, поднять всех на ноги. В моё отсутствие! Даже замминистра! – гремел Чёрнобелый. Он только приехал из Индии и выглядел как индийский йог, загорелый, подтянутый.

– Кто дал тебе такое право, организовать большую работу, новое подразделение. Умудрился стать начальником. В моё отсутствие! Только за один этот компьютер можно «схлопотать строгача».

Да, достать компьютер в то время было не просто. По фондам полагалось только два компьютера на весь институт. И это на целый год. А мне удалось один из них выбить себе. Пришлось, правда, замминистра подключить. Как-никак мы с ним одну аспирантуру кончали.

– Я знаю, что замминистра – твой друг. В моё отсутствие! Это что, приложение к твоей последней книге, как её... да, «Телевизионные игровые автоматы и тренажёры»? Я правильно назвал? Конъюнктура, ничего не скажешь. Товары народного потребления... Их и без нас могут делать... – продолжал бессвязную речь начальник. Значит, осталось недолго ждать. Но он всё никак не мог остановиться.

– Разве Иванов тебе союзник? – бушевал шеф, но уже несколько другим тоном. – Тебе докторскую нужно защищать. Вот о чём нужно думать. Сто двадцать публикаций, четыре книги, полсотни изобретений, я не ошибся? А сколько внедрений? – долго ещё продолжалась эта буря. Мне даже показалось, что перешла она уже во вторую стадию или фазу

обещаний. При этом я попытался не упустить момент и как-то оправдать свои действия, даже хотел пошутить, что только в его отсутствие и можно сделать что-то хорошее, даже докторскую, сбегать в МЭИС и защитить, но всё напрасно. Он был не на шутку возбуждён, и мне ничего не оставалось, как, втянув голову в плечи, ждать, когда наступит штиль.

– ...и это уже не в первый раз. Чуть не влипли в постановление правительства с космическими дисплеями? А твоя затея с раком? Брауде сам, ни за что, не взялся бы за это. Чем дело кончилось? Вот рижане скоро Государственную премию получат, а мы что?

Он ещё долго бушевал, вспоминая различную самодеятельность своих подчиненных, повторяя время от времени фразу: «В моё отсутствие!», от которой, уже начало побаливать в ушах. Потом вздохнул, взял себя в руки и, очевидно, вспомнив любимую поговорку диктатора Нерона: «О, какой великий артист погибает во мне!» остановился, принял соответствующую позу, но увидел, что никто это не оценит, наконец-то сник.

– Ладно, – продолжал он, но уже совсем другим тоном. Видно было, что он принял какое-то решение. – Что сделано, того не вернешь. Эту работу нужно либо сделать хорошо, либо отказаться пока не поздно. Поэтому думай над тем, как эту тему закрыть. Вот в этом я тебе помогу.

– А если всё-таки попробовать? Ведь уже много сделано, – попытался я вклиниться.

– Тогда я сделаю это другим путём. На этот раз я приму участие!

Всё остальное произошло не очень быстро, но служило хорошей иллюстрацией принципа, что любая инициатива наказуема. Естественно, в случае неравенства сил.

– Вы хотите, чтобы я ушёл из института? – спросил я Чёрнобелого во время нашей последней встречи.

– Нет, что ты. Ведь нас так много связывает. К тому же, куда ты уйдешь в такое тяжёлое время?

– Лёгкого времени у меня никогда не было. Вот поэтому я ухожу, и уже подал заявление в кадры.

Прошло несколько лет. Чёрнобелого я не встречал, но до меня доходили слухи, что он по-прежнему процветает, ездит на международные конференции, учит всех каким будет телевидение в ближайшей перспективе, получает ордена и медали за вклад в российскую науку... А вот большой коллектив телевизионного отдела потихоньку начал распадаться. Из пяти лабораторий, в которых работало когда-то сто двадцать пять человек, осталось только шесть бедолаг, которые что-то паяют. Мне иногда кажется, что судьба всей страны, как в капле воды, отразилась на моем примере. Ведь не зря говорят, что «кадры решают всё». Знаю-знаю, эту поговорку приписывают Сталину, он тоже решал «кадровые вопросы», но по-своему...

Интересно, вспоминает ли Чёрнобелый какие мои предложения он запорол, отклонил, похерил... А чего? Они ведь были не в струе, которая несла его к славе и наградам. Знал бы он, что у меня в то время уже успешно работало более ста пятидесяти человек, включая его подчиненных, тех, которые не стремились к наградам для «начальников советской власти».

Уезжают лучшие?

На этот раз встретились мы с ним, не совсем случайно. В Новосибирском оперном театре, в котором я бывал нечасто. Пошёл посмотреть балет. Но туда ходили не только за этим. Здесь была, как бы это сказать, очень тонкая сибирская особенность, о которой я узнал вскоре после приезда. Однажды, на центральном бульваре я заметил, что все почему-то бегут, не очень быстро, а как бы трусцой. Поддавшись стадному чувству, я тоже включился в бег, в том же направлении. Пробежав, таким образом, несколько шагов, я начал задумываться, а, собственно говоря, куда все бегут? Спросить у стоящих, как-то не получилось, а бегущие были настолько увлечены этим спортивным мероприятием, что не могли мне внятно объяснить причину. К тому же они торопились, им было трудно отвлечься на глупости и только один здоровячек как бы нехотя, с выражением «чай не маленький, пора знать», сказал, что в оперный.

– А что там дают? – прокричал я вдогонку, но мой собеседник так рванул вперед, может быть даже со скоростью звука. А при такой скорости, понятное дело, информацию не получишь. А наше ухо не воспринимает изменение частоты... Эффект Доплера!

Со временем я узнал, что в оперном театре можно не только послушать оперу, посмотреть балет, но и выпить пиво, ко-

торое здесь бывает не часто. В основном тогда, когда очень холодно, и посещаемость спектаклей не на высоте. В других местах дело обстоит и того хуже. А началось всё с того, что один бедолага, довольно слабоватый, или принявший, как говорится, «до того», выпил несколько кружек у ларька и так разогрелся, что замёрз. В прямом смысле... А как было не замёрзнуть, когда мороз под сорок, вечерело и ларек где-то на окраине, в тёмном месте, без фонарей и выключенной из-за облачности луной! Вот и запретили продавать пиво зимой. А потом привыкли, и к лету забыли отменить приказ... Так и произошла смычка культуры с простыми потребностями трудящихся.

Оперный театр, конечно, не Гамбринус, но и он привлекал к себе студентов и молодых специалистов, не сумевших найти более культурное и недорогое заведение.

Встреча с Валентином для меня, как я уже говорил, не была неожиданностью. Дело в том, что один мой сокурсник, Витя Андреев, как-то рассказал, об одной встрече:

– Сидим мы в оперном, в буфете, пьём пиво. Не торопимся, так как до начала спектакля времени было достаточно. Мой взгляд почему-то остановился на вошедшем нерешительном мужчине, среднего роста, плотного, с небольшой лысиной и хорошо одетого. Он кого-то или что-то искал, но не найдя ничего подходящего направился к нашему столику. Я даже несколько удивился, так как у нас за столом не было ни одного свободного места. Но он и не собирался пить с на-

ми пиво, слегка наклонил голову и говорит: «Ребята, у меня к вам тут небольшое дело, нужно передвинуть рояль на сцене в правый ближний угол. А за работу вот вам на пиво», и выкладывает по сто рублей на каждого. За нашим столиком сидел парень, довольно общительный, с вьющимися чёрными волосами... Мы с ним даже не успели, как следует познакомиться. Только и узнали, что он в прошлом году окончил одесский институт связи. Как-никак коллега... Мы все как-то опешили от столь щедрого подарка, и только наш новый знакомый не растерялся. Встал с места, улыбнулся и выдал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.